

The background of the cover is a stack of several old, thick books. The pages are yellowed and worn, with some greenish-blue staining. A bright red bookmark is tucked between the books, extending from the bottom left towards the center. The lighting is dramatic, with strong highlights and deep shadows, creating a sense of age and mystery.

Диана
Сеттерфилд
ТРИНАДЦАТАЯ
СКАЗКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Диана Сеттерфилд Тринадцатая сказка

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157364

Сеттерфилд Д. Тринадцатая сказка: Роман : Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2013

ISBN 978-5-389-05833-0

Оригинал: Diane Setterfield, "The Thirteenth Tale"

Перевод:

Василий Н. Дорогокупля

Аннотация

«Тринадцатая сказка» Дианы Сеттерфилд – признанный шедевр современной английской прозы, книга, открывшая для широкой публики жанр «неоготики» и заставившая англо-американских критиков заговорить о возвращении золотого века британского романа, овеянного именами Шарлотты и Эмили Бронте и Дафны Дю Морье. Дебютный роман скромной учительницы, права на который были куплены за небывалые для начинающего автора деньги (800 тысяч фунтов за британское издание, миллион долларов – за американское), обогнал по продажам бестселлеры последних лет, был моментально переведен на несколько десятков языков и удостоился от рецензентов почетного имени «новой „Джейн Эйр“».

Маргарет Ли работает в букинистической лавке своего отца. Современности она предпочитает Диккенса и сестер Бронте. Тем больше удивление Маргарет, когда она получает от самой знаменитой писательницы наших дней Виды Винтер предложение стать ее биографом. Ведь ничуть не меньше, чем своими книгами, мисс Винтер знаменита тем, что еще не сказала ни одному интервьюеру ни слова правды. И вот перед Маргарет, оказавшейся в стенах мрачного, населенного призраками прошлого особняка, разворачивается в буквальном смысле слова готическая история сестер-близнецов, которая странным образом перекликается с ее личной историей и постепенно подводит к разгадке тайны, сводившей с ума многие поколения читателей, – тайне «Тринадцатой сказки»...

Содержание

Завязка	6
Письмо	6
История Маргарет	12
Тринадцать сказок	19
Прибытие	27
Знакомство с мисс Винтер	30
Мы приступаем...	40
Сады	54
Меррили и детская коляска	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Диана Сеттерфилд

Тринадцатая сказка

Посвящается

Айви Доре и Фреду Гарольду Моррисам

Корине Этель и Амбросу Чарльзу Сеттерфилдам

С благодарностью Джо Энсону, Гайе Бэнкс, Мартину Бедфорду, Эмили Бестлер, Пауле Кэтли, Россу и Колину Кэтли, Джиму Крейсу, Пенни Долан, Марианне Дауни, Мэнди Франклин, Анне и Натану Франклинам, Вивьен Грин, Дугласу Герру, Дженни Джейкобс, Каролине ле Марешаль, Полине и Джефффри Сеттерфилдам, Кристине Шинглер, Дженет и Биллу Уиттеллам, Джону Уилксу и Джейн Вуд.

Особо хочется поблагодарить Оуэна Стейли за его дружескую поддержку с самого начала работы над этой книгой, а также Питера Уиттелла, которому «Тринадцатая сказка» обязана своим названием и многим другим.

Все дети мифологизируют свое появление на свет. Так уж мы устроены. Хотите лучше понять человека, увидеть его истинную сущность? Попросите его рассказать о собственном рождении. То, что вы услышите в ответ, не будет правдой; это будет фантастическая история. Но именно из таких историй мы узнаем самое главное.

Вида Винтер. Сказки о переменах и потерях

© В. Дорогокупля, перевод, 2007

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013 Издательство АЗБУКА®

Diane Setterfield. The Thirteenth Tale

Copyright © Diane Setterfield, 2006

This edition published by arrangement with Sheil Land Associates and Synopsis Literary Agency

«Тринадцатая сказка» открыла для широкой публики жанр «неоготики», заставила говорить о возвращении золотого века британского романа, овеянного именами сестер Бронте и Дафны Дю Морье. Кажется, что именно такую, полную тайн и загадок литературу люди и хотят читать в наше время. Многие книги, взлетающие на первые места в списках бестселлеров, быстро теряют свои позиции, но этому роману обеспечен долгий читательский успех.

Publishers Weekly

«Тринадцатая сказка» напоминает классические образцы английского романа. В ней есть трагедия и большая любовь, призраки прошлого и загадки настоящего, таинственные исчезновения и темные ночи, гроза, молнии и смертельная опасность. По мере того как героиня запутывается в одной истории, читатель попадает в капкан другой...

Book Review

«Тринадцатая сказка» потрясающий дебют и вместе с тем волшебный ключик к тем причинам, которые объясняют, почему мы вообще читаем.

Partners & Crime Inc.

Блестяще! Я давно не получала такого удовольствия от чтения дебютного романа.

Кейт Мосс

Раскрыв эту книгу, даже самый искушенный и скептически настроенный критик превращается в юного наивного читателя, позабывшего про окружающий мир.

Le Figaro Littéraire

Завязка

Письмо

Был ноябрь. День только начал клониться к вечеру, но, когда я добралась до поворота в переулок, в небе уже сгушалась тьма. Отец закончил с сегодняшними делами, опустил жалюзи и погасил свет в магазине, но – зная, что я появлюсь поздно, – оставил гореть лампочку в прихожей. Из смотрового окошка в двери свет падал на мокрый асфальт белесым прямоугольным пятном альбомного формата. Наступив на это пятно, я вставила ключ в замочную скважину и в тот же миг увидела сквозь стекло еще один белый прямоугольник – письмо, лежавшее на пятой снизу ступеньке лестницы, где я не могла бы миновать его, не заметив.

Войдя, я заперла дверь и, как обычно, поместила ключ на книжную полку за томом Бейли «Геометрия для знатоков». Бедняга Бейли. За тридцать лет ни один знаток не соблазнился его толстым трудом в переплете мышинового цвета. Порой я задумываюсь о том, как он должен чувствовать себя в роли хранителя ключей от лавки букиниста. Вряд ли ему мыслилась такая судьба шедевра, созданию которого он посвятил два десятилетия своей жизни.

Письмо. Адресовано мне. Это уже нечто из ряда вон. Плотный конверт с несмятыми углами и объемистым на ощупь содержимым был надписан почерком, который наверняка доставил пару неприятных минут разбиравшему адрес почтальону. Хотя графика была старомодной, с вычурными заглавными буквами и завитушками, я в первую минуту подумала, что это писал ребенок. Слова казались старательно выведенными неумелой рукой, нажим был неравномерен – местами линия почти исчезала, а местами перо глубоко вдавилось в бумагу. Все буквы моего имени были написаны раздельно – М А Р Г А Р Е Т Л И, – что указывало на затруднение, с которым автор одолевал непривычные для него слова. Однако у меня не было знакомых детей, и посему я пришла к мысли об отправителе-инвалиде.

Ощущение, возникшее в этой связи, было не из приятных. Выходило так, что вчера или, может, позавчера, когда я спокойно занималась обыденными делами, неизвестный мне человек – *некто* – прилагал известные усилия к тому, чтобы пометить этот конверт моим именем. Кем мог быть этот некто, думавший обо мне в тот момент, когда я даже не подозревала о его существовании?

Не снимая пальто и шляпки, я уселась прямо на лестнице, чтобы прочесть письмо. (Я никогда не приступаю к чтению, не заняв перед тем надежную позицию. Эту привычку я завела с семилетнего возраста, после того как однажды, сидя на каменной ограде и читая «Детей вод»¹, слишком увлеклась картинками подводного мира и бессознательно расслабила мышцы, но вместо свободного парения в текучей стихии, которое так живо мне представлялось, совершила свободное падение вниз головой и получила нокаут от удара о землю. В память об этом у меня на лбу остался шрам, обычно прикрываемый челкой. Чтение – дело небезопасное.)

Я вскрыла конверт и извлекла оттуда с полдюжины листков, испещренных все тем же крупным неуклюжим почерком. К счастью, по роду своих занятий я имею большой опыт чтения неразборчивых рукописей. Это не так сложно, как может показаться; нужны лишь

---

¹ «Дети вод» – сказочная повесть (1863) английского писателя Чарльза Кингсли, главный герой которой, маленький трубочист Том, свалившись в реку, знакомится с «детьми вод» и совершает путешествия по морям и океанам. Первый русский перевод вышел в 1874 году под названием «Приключения Фомушки-трубочиста на земле и под водой» и без указания автора. – *Здесь и далее прим. перев.*

терпение и практика. Главное тут – правильно использовать свое внутреннее зрение. Расшифровывая рукописи, пострадавшие от влаги, огня, солнечного света или же просто составленные временем, следует уделять внимание не только собственно тексту, но и сопутствующим деталям: скорости движения пера и его нажиму, заминкам на том или ином слове, долгим паузам между фразами и т. п. Прежде всего вы должны расслабиться и ни о чем не думать, пока вас не застигнет подобие сна наяву, в котором вы почувствуете себя бегущим по пергаменту пером и одновременно этим самым пергаментом, на чьей поверхности один за другим возникают свежие чернильные знаки. После этого можно приступать к чтению. Ощущая и понимая автора, его мысли, тревоги и желания, вы прочтете текст с такой легкостью, как если бы сами со свечкой в руке заглядывали через плечо пишущему.

При правильном подходе к делу расшифровка данного послания не представляла особых трудностей. Оно начиналось отрывистым обращением «Мисс Ли». Далее каракули и завитушки стали быстро складываться в буквы, а те – в слова и фразы. Вот что я прочла:

Когда-то давно я дала интервью для «Банбери геральд». В ближайшие дни собираюсь отыскать его в своем архиве. Странного типа они мне прислали в тот раз. Мальчишка. Ростом со взрослого мужчину, но нежный и пухлый, как младенец. Он явно чувствовал себя неловко в мешковатом коричневом костюме, более уместном на человеке гораздо старше его. Покрой, воротник, материя – все не годилось. Это был костюм из разряда вещей на вырост, какие мать покупает сыну, по окончании школы вступающему во взрослую жизнь. Однако мальчишки не перестают быть мальчишками, едва избавившись от школьной формы.

Держался он очень напряженно. Я сразу это отметила, подумав: «Что ему от меня нужно?»

Я ничего не имею против правдолюбцев, хотя собеседники из них хуже некуда, особенно когда они пускаются в столь милые их сердцу рассуждения об истине и лжи. Мне претит подобная болтовня, но если эти люди оставляют меня в покое, я их тоже не трогаю.

По-настоящему меня раздражают не правдолюбцы, а правда как таковая. Почему иные с ней так носятся? Разве кто-нибудь находил в ней поддержку и утешение, какие дарует нам вымысел? Поможет ли вам правда в полночный час, в темноте, когда ветер голодным зверем завывает в дымоходе, молнии играют тенями на стенах вашей спальни, а длинные ногти дождя выбивают дробь на оконном стекле? Нет. Когда холод и страх делают из вас застывшую в постели мумию, не надейтесь, что лишённая крови и плоти правда поспешит к вам на помощь. Что вам нужно в такой момент, так это утешительный вымысел. Милая, славная, старая добрая ложь.

Некоторые писатели не любят давать интервью. «Вечно одни и те же вопросы», – жалуется они. А что они, собственно, ожидают услышать? Репортеры – это наемные работники, у которых дело поставлено на поток, тогда как писатель производит штучный продукт. Но если они задают нам одни и те же вопросы, это еще не значит, что мы обязаны повторяться с ответами. Я говорю о вымысле – в конце концов, это и есть наш хлеб насущный. В год я даю десятки интервью, а за всю жизнь их у меня набралось несколько сотен. Я считаю, что талант не должен отгораживаться от мира, загоняя себя в тепличные условия. Во всяком случае, мой талант не настолько нежная вещь, чтобы вянуть и съезжиться от прикосновения грязных пальцев бульварных писак.

В прежние времена меня не раз пытались поймать в ловушку. Раскопавшие малую толику правды журналисты являлись ко мне с намерением выложить этот козырь в удобный момент и, застав меня врасплох, узнать еще что-нибудь из той же серии. Приходилось все время быть начеку, чтобы сбивать их со следа. Обычно я пускала в ход свежую приманку и осторожно уводила их в сторону от изначальной цели – возжеленной правды – к очеред-

ной придуманной истории. В их глазах понемногу разгорался азартный огонь, и, увлеченные вымыслом, они ослабляли хватку, позволяя настоящей добыче, той самой толлке правды, выскользнуть из жадных репортерских рук и благополучно кануть в небытие. Этот прием срабатывал безотказно. Хорошая сказка всегда берет верх над жалкими огрызками правды.

Позднее, когда я стала по-настоящему знаменитой, «интервью с Видой Винтер» превратилось для журналистов в своего рода обряд посвящения. Они уже примерно знали, чего следует ожидать, и были бы разочарованы, уйдя от меня без новой истории. Начиная интервью с пробежки по стандартным вопросам (Откуда вы черпаете вдохновение? Ваши персонажи основаны на реальных людях? Что есть в главной героине от вас самой?), они вполне удовлетворялись краткими ответами – чем короче, тем лучше (Из собственной головы. Нет. Ничего.) и переходили к тому, ради чего они здесь появились. На их лицах возникало мечтательное, предвкушающее выражение, как у маленьких детей в ожидании сказки на сон грядущий. «Расскажите что-нибудь о себе, мисс Винтер», – просили они.

И я рассказывала. Короткие незамысловатые истории, не бог весть что. Две-три переплетенных сюжетных линии, тут запоминающийся лейтмотивчик, там несколько броских деталей. Всякая всячина из моей мусорной корзины, где подобного добра в избытке. Забракованные фрагменты романов и новелл, отвергнутые сюжетные ходы, мертворожденные персонажи, образные описания, которым не нашлось места в книгах, и прочая шелуха, отсеянная при редактировании. Достаточно взять несколько таких лоскутов, наскоро их сшить, подровнять края – и готово. Еще одна свеженькая биография.

Они уходили счастливыми и довольными, сжимая в руках свои блокноты, как детишки сжимают кулек со сладями по завершении праздничного вечера. Потом они будут рассказывать своим внукам: «Однажды я встретался с самой Видой Винтер, и она поведала мне удивительную историю...»

Но вернемся к мальчишке из «Банбери геральд». Он с ходу попросил: «Мисс Винтер, скажите мне правду». Каково? Я вынуждала людей идти на самые невероятные ухищрения в надежде вытянуть из меня хоть одно слово правды (таких ловкачей я чую за милю), но тут... Это было просто смешно. На что он рассчитывал?

Кстати, хороший вопрос. На что он мог рассчитывать? Испытующий, напряженно-внимательный взгляд. Ему было нужно нечто особенное, и я это поняла. Глаза его лихорадочно блестели, на лбу выступили капельки пота. Возможно, он был болен. «Скажите мне правду», – попросил он.

У меня возникло странное чувство: как будто возвращается к жизни давнее прошлое. Где-то в глубине водоворотом закружились воспоминания, создавая приливную волну, которая прокатилась вверх по жилам и обернулась холодной зыбью, стучащей в мои виски. Жутковатое ощущение. «Скажите мне правду».

Я обдумала его просьбу. Я рассмотрела ее с разных сторон и взвесила возможные последствия. Он выбил меня из колеи, этот мальчишка с бледным лицом и горящими глазами.

«Хорошо», – сказала я.

Он покинул меня спустя час. Рассеянно промычал слова прощания и, уходя, ни разу не оглянулся.

Я не сказала ему правду. Как можно? Я угостила его очередной историей. Тощей, жалкой, малокровной сказкой без ярких деталей и изящных поворотов: выцветшие лоскуты, сметанные на живую нитку, с бахромой по неровным краям. Одной из тех историй, что так похожи на реальную жизнь. Точнее, на то, что представляется людям реальной жизнью, а это совсем не одно и то же. Человеку моего склада, наделенному живой фантазией, нелегко сочинять истории вроде этой.

Я следила за ним из окна. Он удалялся шаркающей походкой, ссутулившись и опустив голову; казалось, каждый шаг давался ему с трудом. Вся его энергия и живость, весь изначальный порыв сошли на нет. Я убила в нем это. Впрочем, я не намерена брать на себя всю вину. Он должен был знать, с кем имеет дело, и не принимать рассказанное на веру.

Больше я его никогда не видела.

То самое чувство – глубинное волнение, зыбью восходящее к вискам, – оставалось со мной еще долгое время. Оно то затихало, то вновь усиливалось при одном лишь воспоминании о словах мальчишки-репортера. «Скажите мне правду». – «Нет», – повторяла я снова и снова. Нет. Однако чувство не исчезало. Оно не давало мне покоя. Более того, оно стало для меня реальной угрозой. И тогда я пошла на сделку. «Не сейчас». Оно насторожилось, поколебалось, но в конце концов утихло. Утихло настолько, что я через какое-то время напрочь о нем забыла.

Как давно это было? Тридцать лет назад? Сорок? Может, и больше. Время проходит быстрее, чем мы успеваем это заметить.

А на днях мне вдруг вспомнился тот мальчишка. «Скажите мне правду». Затем возвратилось и странное чувство. Нечто растет внутри меня, стремительно делаясь и множась. Я чувствую его физически – где-то в районе желудка, твердое и круглое, размером с грейпфрут. Оно высасывает воздух из моих легких и разъедает мой костный мозг. Долгое пребывание в спячке сильно его изменило. Теперь я имею дело с агрессивным существом, не поддающимся убеждению, не склонным к переговорам и дискуссиям, упрямо настаивающим на своем праве. Оно не признает слова «нет». «Скажи правду», – требует оно вслед за мальчишкой, глядя в его удаляющуюся спину. Потом оно оборачивается ко мне и железной хваткой сдавливает, скручивает мои внутренности. «Не забывай, мы заключили сделку».

Это время настало.

Жду вас в понедельник. Я вышлю за вами машину к поезду, прибывающему в Харрогейт в половине пятого.

Вида Винтер

Сколько времени просидела я на ступеньках после того, как дочитала письмо? Не имею понятия. Я как будто подпала под чары. Магия слов, без сомнения, существует. А если ими манипулирует человек умелый и знающий, эти слова запросто могут взять вас в плен. Они опутают вас, как шелковистая паутина, а когда вы превратитесь в беспомощный кокон, пронзят вам кожу, проникнут в кровь, овладеют вашими мыслями. Их магическое действие продолжится уже внутри вас. Когда я наконец пришла в себя, мне оставалось только догадываться о процессах, минутами ранее происходивших в темных глубинах моего сознания. Так что же сотворило со мной это письмо?

О Вида Винтер мне было известно очень немного, если отбросить все громкие титулы, которыми, не скупясь, награждала ее пресса: любимый автор английских читателей, современный Диккенс, величайший живой классик и так далее в том же духе. Я, конечно, знала о ее мировой популярности, и все же статистические выкладки, когда я до них добралась, произвели на меня ошеломляющее впечатление. За пятьдесят шесть лет она выпустила пятьдесят шесть книг, которые были переведены на сорок девять языков; сводные отчеты английских публичных библиотек двадцать семь раз называли мисс Винтер самым читаемым автором года; по ее романам было снято девятнадцать художественных фильмов. В этой связи оживленно дискутировался вопрос: превзошла ли она Библию по общему количеству проданных экземпляров или пока еще не превзошла? Трудность заключалась даже не столько в определении совокупных тиражей мисс Винтер (постоянно меняющиеся многомиллионные числа), сколько в получении надежных данных по Библии: при всем возможном пиетете к Слову Божьему, статистика его продаж не заслуживала никакого доверия. В этом

списке меня особо заинтересовало одно число, а именно двадцать два – столько раз предпринимались попытки написать полноценную биографическую книгу о мисс Винтер, но все усилия правдоискателей разбивались о недостаток информации, категорическое нежелание писательницы сотрудничать с биографами, а то и угрозы судебных преследований с ее стороны. Обо всем этом я узнала впервые. В сущности, единственным статистическим показателем, известным мне априори, было число книг Виды Винтер, прочитанных лично мною, Маргарет Ли. Число это равнялось нулю.

Я вздрогнула, зевнула и потянулась, по-прежнему сидя на лестничной ступеньке. Возвращаясь к реальности, я обнаружила, что за период забвения мои мысли перестроились на новый лад – из груды бессвязных обрывков и обломков, каковую представляли собой мои воспоминания, на передний план неожиданно выдвинулись два эпизода.

Первой шла сценка с участием моего отца. Действие происходит у нас в магазине. Мы распаковываем коробку с книгами, приобретенными на распродаже частной библиотеки, и среди прочего находим в ней несколько романов Виды Винтер. Однако наше заведение не торгует современной литературой. «После обеда отнесу их в благотворительное общество», – говорю я и откладываю книги на край прилавка. Но еще до обеденного перерыва три книги из четырех покидают магазин. Проданы. Одна священнику, вторая картографу, а третья специалисту по военной истории. Лица наших клиентов – бледно-отрешенные, с мерцающим внутри огоньком, лица завязтых библиофилов – внезапно оживляются при виде ярких обложек бестселлеров Виды Винтер. Во второй половине дня мы завершаем разбор книг, вносим их в каталог и расставляем на полках, а потом за отсутствием посетителей предаемся обычному в таких случаях занятию: садимся и читаем. Поздняя осень, льет дождь, окна запотели. В глубине помещения тихо шипит газовый обогреватель; мы слышим звук, его не слушая, мы рядом и в то же время далеко друг от друга, погруженные каждый в свою книгу.

«Заварить чай?» – спрашиваю я наконец, отрываясь от чтения.

Нет ответа.

Тем не менее я завариваю чай и ставлю чашку на его стол.

Проходит час. Его нетронутый чай давно остыл. Я завариваю новый и приношу отцу дымящуюся чашку. Он никак не реагирует на мои действия.

Тогда я осторожно приподнимаю книгу, в которую он уставился, чтобы взглянуть на обложку. Это четвертый, и последний оставшийся у нас роман Виды Винтер. Я возвращаю книгу в прежнее положение и заглядываю ему в лицо. Он меня не слышит. Он меня не видит. Он сейчас в другом мире, и я для него не более чем бесплотная тень.

Таким был первый эпизод.

Второй представлял собой зрительный образ. Женское лицо с поворотом в три четверти, словно вырезанное из массивных пластов света и тени, нависает над толпой маленьких и ничтожных в сравнении с ним людишек. Это всего лишь многократно увеличенный фотопортрет на рекламном щите над платформой вокзала, но мой внутренний взор угадывает в этом образе бесстрастное величие давно забытых цариц и языческих богинь, воплощенное в камне мастерами какой-то древней цивилизации. Созерцая гордый изгиб бровей, плавно очерченные высокие скулы, безупречные линии и пропорции носа, невольно удивляешься тому, что случайные вариации человеческой породы способны произвести на свет такое сверхъестественное совершенство. Если подобный череп будет найден археологами далекого будущего, они могут расценить его как артефакт, созданный не тупым резцом матери-природы, а искусной рукой неведомого гениального художника. Кожа ее лица излучает мягкий алебастровый свет; она кажется еще белее по контрасту с изящными завитками медно-красных волос, причудливо ниспадающих на виски и на крепкую стройную шею.

Поразительную эту красоту, как будто одной ее мало, эффектно дополняют глаза. Вероятно, подсвеченные стараниями фотографа до нечеловечески зеленого блеска – зелени церковных витражей, леденцов или изумрудов, – они смотрят поверх толпы отрешенным, абсолютно ничего не выражающим взглядом.

Не знаю, какие чувства вызвала эта картина у других людей, находившихся на вокзале; многие из них читали книги мисс Винтер, и это наверняка сказалось на их восприятии. Что касается меня, то я невольно вспомнила выражение «глаза – это врата души» и, вглядываясь в зеленые, холодные, невидящие глаза на портрете, подумала, что у изображенной здесь женщины никакой души быть не может.

Вот и вся информация о Виде Винтер, которой я располагала ко времени получения письма. Не слишком много. Впрочем, если подумать, вряд ли другие люди знали о ней больше. Ибо, хотя ее имя, ее лицо и ее книги были известны всем, по-настоящему Вида Винтер не знал никто. Знаменитая своими тайнами не менее, чем своим творчеством, она представляла собой идеальную загадку.

И вот теперь, если верить письму, Вида Винтер решила наконец поведать правду о себе. Одна эта новость уже могла стать сенсацией, но еще более удивительным являлся тот факт, что поделиться своими откровениями мисс Винтер захотела со *мною*.

История Маргарет

Поднявшись наконец со ступеньки, я шагнула в темноту магазина. Мне не требовалось включать свет, чтобы сориентироваться, – все здесь было знакомо мне с детства. Запах переплетной кожи и старой бумаги действовал на меня успокаивающе. Я пробежала пальцами по корешкам книг, как пианист по клавишам. У каждой книги была своя, отличная от других нота: шершавый, обтянутый холстом корешок «Истории картографии» Дэниелса; растрескавшаяся кожа отчетов Лакунина о заседаниях Санкт-Петербургской картографической академии (с приложением карт, от руки нарисованных и раскрашенных автором). Завяжите мне глаза и поместите куда угодно на любом из трех этажей магазина, и я смогу на ощупь, по книгам на полках, точно определить свое местоположение.

В нашем «Букинистическом магазине Ли» посетителей бывает немного, обычно не более десятка в день. Некоторое оживление наблюдается лишь в сентябре, когда студенты приобретают книги по программе наступающего учебного года, да еще в мае, когда те же студенты после экзаменов сбывают нам ставшую ненужной литературу. Мой отец именует это «сезонной миграцией книг». А в «межсезонье» нередки дни вообще без единственного посетителя. Летом к нам иногда заглядывают любопытные туристы. Такой гость, сошедший с проторенной туристской тропы, обычно ограничивается минутным пребыванием у порога, пока его глаза привыкают к магазинному полумраку после залитой солнцем улицы. Если же к тому времени он успел пресытиться мороженым и речными видами, царящие здесь тишина и относительная прохлада могут расположить его к продлению визита на несколько лишних минут. Более солидный контингент посетителей образуют люди, которые что-то слышали об этом магазине от приятелей своих знакомых и, очутившись вблизи Кембриджа, не поленились сделать крюк специально ради нас. Эти клиенты проявляют неподдельный интерес к содержимому книжных шкафов и не забывают извиниться за причиненное нам беспокойство. Как правило, это очень милые люди – тихие и благожелательные, под стать интересующим их печатным изданиям. Но большую часть дня в помещениях магазина нет никого, кроме нас: отца, меня и книг.

«Как же они сводят концы с концами при столь вялой торговле?» – можете подумать вы. Дело в том, что эта торговля является для нас лишь побочным бизнесом. Настоящие дела ведутся вне этих стен, и наш семейный бюджет формируется за счет всего пяти-шести удачных сделок в год. Здесь играют роль личные связи: отец знает всех крупнейших коллекционеров книг и все лучшие частные библиотеки мира. Если бы вы находились рядом с ним во время аукционов или книжных ярмарок, которые он посещает регулярно, вы бы заметили, что к нему то и дело подходят очень спокойные люди в одежде спокойных тонов и просят уделить им несколько минут для беседы в спокойной обстановке. В глазах этих людей ни тени спокойствия. «Вы случайно не в курсе...» – таково обычное начало их разговора. Далее упоминается книга. Отец отвечает неопределенно, не дает обещаний и не обнадеживает. Большинство таких бесед остается без последствий. Но если у отца есть на примете искомая книга, он делает запись в своем зеленом блокноте. После этого долгое время – месяц, два или более – ничего не происходит, но вот на очередном аукционе или ярмарке отец встречает нужного человека, заводит с ним разговор и как бы между прочим упоминает ту самую книгу. В большинстве случаев этим все и заканчивается. Но иногда за разговором следует обмен письмами. Отец много времени проводит за сочинением писем, в том числе на французском, немецком и даже латыни. В девяти случаях из десяти с ответным письмом приходит вежливый немногословный отказ. Но иногда – пять-шесть раз в год – ответ оказывается прелюдией к путешествию, в ходе которого отец приобретает редкую книгу в одном

месте и сбывает ее в другом. Такая поездка обычно занимает не более двух суток. Пять-шесть сделок в год – отсюда наши средства к существованию.

Букинистический магазин как таковой приносит ничтожный доход. По сути, это всего лишь место, где пишутся письма и куда приходят ответы; место, где отец проводит время в промежутках между аукционами и книжными ярмарками. Наш банкир вообще считает магазин причудой, маленькой слабостью, которую отец как успешный бизнесмен вполне может себе позволить. Однако реально для нас (я говорю об отцовской и моей реальности, не притворяясь, будто реальность одна и та же для всех) магазин является центром мироздания. И в первую очередь это надежное убежище для многих сотен старых фолиантов, когда-то написанных с любовью и тщанием, а ныне забытых и ставших никому не нужными.

И еще это место для чтения.

Аддисон, Бронте, Вордсворт, Годвин, Диккенс – по ним я здесь учила алфавит. Отец брал меня на руки и переносил от стеллажа к стеллажу, показывая разные буквы и то, как из них складываются слова. Здесь же я научилась писать, перенося имена авторов и названия книг на карточки, которые и сейчас, тридцать лет спустя, хранятся в нашей картотеке. Магазин был моим домом и моей работой одновременно. Он был для меня гораздо лучшей школой, нежели обычная общеобразовательная, а позднее стал моим личным университетом. Он был всей моей жизнью.

Отец никогда не навязывал и никогда не запрещал мне те или иные книги. Он позволял мне бродить между шкапами и делать выбор самостоятельно. Я поглощала описания кровавых битв – вполне приемлемое для детей чтиво, по мнению родителей девятнадцатого века, – и готические романы о призраках, которые наверняка не заслужили бы родительского одобрения; я читала о рискованных путешествиях по диким землям, предпринятых старыми девами в кринолинах, и руководства по этикету и правилам хорошего тона для девиц из благородных семейств; я читала книги с картинками и книги без картинок; я читала книги на английском, книги на французском и книги на незнакомых мне языках, выдумывая их сюжет по немногим словам, значение которых мне удавалось разгадать. Книги. Книги. И еще книги.

В школе я никому не рассказывала о своем увлечении книгами. Французские архаизмы, почерпнутые мною из старых учебников грамматики, попадали в мои сочинения, и учителя принимали их за ошибки, но им так и не удалось привести мое правописание в соответствие со своими стандартами. Иногда на уроке истории упоминались люди и события, уже знакомые мне благодаря запойному, но беспорядочному чтению. «Карл Великий? – озадаченно размышляла я. – Неужели это *мой* Карл Великий – тот самый, о котором я читала в магазине?» В таких ситуациях я теряла дар речи, потрясенная неожиданным соприкосновением двух миров, казалось бы не имевших между собой ничего общего.

В перерывах между поглощением книг я оказывала посильную помощь отцу. В девять лет мне доверили обертывать книги плотной бумагой и надписывать на посылках адреса наших иногородних клиентов. С десяти лет я сама доставляла эти посылки на почту, а в одиннадцать освободила маму от единственной обязанности, которую она выполняла в магазине: уборки. Защищенная головным платком и рабочим халатом от грязи, микробов и прочей заразы, бывшей, по ее мнению, неотъемлемой принадлежностью всей этой книжной рухляди, мама перемещалась вдоль полок, брезгливо помахивая метелочкой из перьев, плотно сжав губы и стараясь не втягивать воздух через нос. Время от времени ее перья поднимали облачко предположительно ядовитой пыли, и она, кашляя, в ужасе отскакивала назад. При этом движении она зачастую рвала чулки об угол соседнего шкафа или какой-нибудь коробки, которая – с характерным для старых книг злобным коварством – оказывалась стоящей как раз позади нее. Я предложила маме взять уборку на себя, и она с радостью согласилась; с той поры она была полностью избавлена от необходимости появляться в стенах магазина.

Когда мне исполнилось двенадцать, отец поручил мне поиск «заблудших книг» – так мы именовали тома, которые по данным картотеки значились в наличии, но при этом отсутствовали на своем месте среди их расставленных по алфавиту собратьев. Эти книги могли быть украдены, но чаще всего их просто засовывал не туда, куда следует, какой-нибудь рассеянный посетитель. В магазине было семь комнат, заставленных высокими, от пола до потолка, стеллажами, на которых покоились тысячи книг.

– Раз уж ты взялась за поиски, проверь заодно алфавитный порядок, – сказал мне отец.

Эта работа могла занять целую вечность; сейчас я сомневаюсь, что отец был совершенно серьезен, когда давал мне это поручение. Как бы то ни было, я взялась за дело всерьез.

Я посвящала этому каждое утро на протяжении всего лета, и к началу сентября, а вместе с ним и нового учебного года каждый «блудный» том занял свое законное место на полке. Кроме того – я считаю данное обстоятельство немаловажным, – в ходе работы мои пальцы побывали в контакте, пусть даже очень кратком, со всеми без исключения книгами в магазине.

Подрастая, я брала на себя все больше обязанностей, и теперь мы справлялись с текущими делами уже в первой половине дня. После того как вновь поступившие книги были зарегистрированы и расставлены на полках, а нужные письма написаны, мы совершали прогулку до реки, съедали на набережной свои сэндвичи и, покормив уток, возвращались в магазин, чтобы предаться чтению. Со временем я стала меньше полагаться на слепой случай при выборе книг. Все чаще меня можно было найти на втором этаже магазина, отведенном под литературу девятнадцатого века, жизнеописания, автобиографии, мемуары, дневники и письма.

Отец заметил эту мою склонность и начал привозить с распродаж и ярмарок книги, которые, по его мнению, должны были меня заинтересовать. В основном это были небольшие, сильно потрепанные рукописи с пожелтевшими страницами, иногда в переплете кустарной работы. Обычные жизни обычных людей. Такие книги я не просто читала – я их проглатывала за один присест. С детства страдая отсутствием аппетита, я зато испытывала постоянный «книжный голод». Тогда-то и начало определяться мое истинное призвание.

Меня нельзя назвать настоящим биографом. Сказать по правде, я вообще не биограф. Главным образом ради собственного удовольствия я написала несколько кратких биографических исследований, посвященных незначительным фигурантам в истории литературы. Меня всегда интересовали люди, при жизни прозябавшие в тени великих современников и преданные полному забвению тотчас после смерти. Мне нравится эксгумировать людские судьбы, погребенные в дневниковых записях, что, никем не читанные, пролежали на архивных полках сотню и более лет. Мало что доставляет мне большее удовольствие, чем возможность почувствовать живое дыхание мемуаров, казалось давным-давно канувших в Лету вслед за их авторами.

Изредка какое-нибудь из моих сочинений заинтересовывало местного академического издателя; как следствие, у меня появились печатные работы. Не книги, нет – они недостойны такого названия, – а просто отдельно изданные очерки: брошюры в бумажном переплете, скрепленные скобками. Один мой очерк – «Братская муза» (о братьях Жюле и Эдмоне Ландье, которые совместно вели дневник) – попался на глаза редактору солидного издательства и был включен в сборник эссе о литературном творчестве и семейных отношениях в девятнадцатом веке. Должно быть, именно этот очерк привлек внимание Виды Винтер, но в таком случае она заблуждалась на мой счет. Публикация его под одной обложкой с трудами профессиональных писателей и ученых явилась чистой случайностью, тогда как сама я была всего-навсего не лишенной дарования дилетанткой.

Жизни давно умерших людей – это мое хобби, а моя работа – это магазин. Я не продаю книги (этим занимается отец), я о них *забочусь*. Временами я беру с полки ту или иную книгу

и наугад прочитываю из нее страничку-другую. В конце концов, чтение является таким же проявлением заботы, как дружеская беседа. Пусть эти книги недостаточно стары для того, чтобы цениться исключительно за свой возраст, и не настолько значительны, чтобы привлечь внимание коллекционеров, но мне нравится за ними ухаживать, даже если их содержание так же уныло и пресно, как их внешний вид. Каким бы скучным ни был прочитанный мною отрывок, он никогда не оставляет меня равнодушной, – ведь кто-то ныне покойный в свое время считал эти слова достойными того, чтобы сохранить их для потомков.

Умирая, люди исчезают. Исчезают их голос, их смех, теплота их дыхания. Исчезает их плоть, а в конечном счете и кости. Исчезает и память об этих людях. Это ужасно и в то же время естественно. Однако некоторым людям удается избежать бесследного исчезновения, так как они продолжают существовать в созданных ими книгах. Мы можем заново открыть этих людей – их юмор, их манеру речи, их причуды. Посредством написанного слова они могут вызвать наш гнев или доставить нам радость. Они могут нас успокоить. Они могут нас озадачить. Они могут нас изменить. И все это при том, что они мертвы. Как муха в янтаре или как тело, застывшее в вечных льдах, чудесное сочетание обыкновенных чернил и бумаги сохраняет то, что по законам природы должно исчезнуть. Это сродни волшебству.

Я ухаживала за книгами, как иные ухаживают за могилами своих близких. Я очищала их от пыли, подклеивала поврежденные листы. И каждый день я открывала какой-нибудь том и прочитывала несколько строк или страниц, позволяя голосам забытых покойников прозвучать у меня в голове. Чувствовали ли они, эти мертвые писатели, что кто-то читает их книги? Появлялся ли тоненький лучик света в окружающем их потустороннем мраке? Ощущала ли бессмертная душа соприкосновение с разумом читающего? Надеюсь, что да. Ведь это, наверное, так одиноко – быть мертвым.

Я заметила, что при описании своей жизни все время откладываю напоследок самое важное. Вообще-то я не из тех людей, кто готов излить душу первому встречному. Преодолевая свою обычную сдержанность, я упомянула здесь о многом, но до сих пор обходила стороной одну вещь, действительно достойную упоминания.

И все же я об этом напишу. «Молчание не является естественной средой для историй, – сказала мне однажды мисс Винтер. – Историкам нужны слова. Без них они блекнут, болят и умирают, а потом их призраки начинают нас преследовать, не давая покоя».

Она совершенно права. Итак, вот моя история.

Мне было десять лет, когда я открыла тайну, хранимую моей мамой. Особая значимость открытия заключалась в том, что тайна должна была принадлежать не столько ей, сколько мне. Это была *моя* тайна.

В тот вечер мои родители отправились в гости. Подобные визиты они совершали не часто; меня же в таких случаях отсылали к соседке, миссис Робб. Мне там не нравилось – соседний дом был построен по одному проекту с нашим, но при этом являлся его зеркальной копией, и такая «перевернутая планировка» вызывала у меня что-то вроде морской болезни. Узнав о родительских планах на вечер, я в очередной раз объявила себя достаточно сознательной для того, чтобы провести дома несколько часов без надзора. Я не очень рассчитывала на успех, но отец, выслушав меня, неожиданно согласился. Мама позволила себя уговорить, поставив условием, что миссис Робб зайдет меня проведать в половине девятого.

Они ушли из дому в семь часов, и я отметила это событие, торжественно выпив стакан молока на диване в гостиной и преисполнившись гордости: я, Маргарет Ли, достигла возраста, позволяющего оставаться дома одной. Покончив с молоком, я вдруг обнаружила, что не знаю, как распорядиться обретенной свободой. Для начала я отправилась в путешествие по дому, дабы уточнить пределы этой самой свободы: гостиная, прихожая, туалет на первом этаже. Все здесь было как всегда. Ни с того ни с сего мне вспомнился мой давний

детский кошмар из серии о волке и трех поросятах: «Сейчас натужусь, дуну и домик разнесу!» Серому волку не составило бы труда сдуть с лица земли жилище моих родителей. Просторные комнаты с непрочными на вид стенами и хрупкой мебелью наверняка рассыпались бы, как построенный из спичек шалаш, даже не от дуновения, а от одного лишь сердитого взгляда волка. В любом случае легкого волчьего свиста было более чем достаточно для того, чтобы обитатели этого домика лишились своего укрытия и достались на съедение серому хищнику. Я пожалела, что нахожусь не в магазине, где мне нечего было бояться. Волк мог бы тужиться и дуть до скончания века: под защитой книжных стеллажей, удваивавших толщину стен, мы с отцом были там как в неприступной крепости.

На втором этаже я зашла в ванную и начала рассматривать себя в зеркале. Мне хотелось удостовериться в том, что я выгляжу как вполне взрослая и самостоятельная девочка. Склоняя голову то к левому, то к правому плечу, я изучала отражение под разными углами, надеясь увидеть что-то новое. Но в зеркале была всего лишь я, глядевшая оттуда на саму себя.

Моя собственная комната не обещала никаких открытий: я давно уже изучила каждый ее дюйм. Поэтому, пройдя мимо нее, я толкнула дверь в комнату для гостей. Строгий платяной шкаф и гладкий туалетный столик лицемерно намекали на возможность найти здесь одежду и привести в порядок свою внешность, но, даже не зная заранее, ты уже догадывался, что за этими дверцами и внутри этих выдвигаемых ящиков находится только пустота. Аккуратно запроващенная постель с разглаженными складками и безжизненно-тощими подушками не вызывала желания на ней поваляться. Эта комната именовалась гостевой, но у нас никогда не бывало гостей. Здесь обычно спала моя мама.

В растерянности я вышла из комнаты и остановилась на верху лестницы.

Вот оно. Обряд посвящения. Я одна дома. Значит, я уже не «ребенок младшего возраста», и завтра на детской площадке я смогу сказать: «Прошлым вечером меня не отсылали к няне. Я была дома одна». Представляю, как вытаращат глаза другие девочки. Я долго ждала своего часа, но когда он наконец пришел, я оказалась к этому не готова. Раньше мне думалось, что перемена произойдет автоматически, и, впервые предоставленная самой себе, я смогу хотя бы одним глазком увидеть образ того взрослого человека, каким мне суждено стать. Я ожидала, что мир сразу же изменит свой привычный детский облик и продемонстрирует мне таинственную взрослую сторону жизни. Вместо всего этого, став свободной, я почувствовала себя еще более беспомощным ребенком, чем прежде. Что же со мной было не так? Неужели я никогда не найду способ повзрослеть?

Я уже начала подумывать о визите к миссис Робб, но тут мне вспомнилось местечко получше. Я легла на живот и заползла под отцовскую кровать.

Пространство между полом и низом кровати заметно уменьшилось с той поры, как я была здесь в последний раз. В плечо мне уперся «курортный» чемодан, всегда одинаково серый – как при дневном свете, так и сейчас в полумраке. В нем хранились вещи для летнего отдыха: темные очки, запасные фотопленки, мамин купальный костюм, который она ни разу не надела, но и не решалась выбросить. С другого боку находилась картонная коробочка. Повозившись с ее крышкой, я засунула руку внутрь. Спутанная гирлянда лампочек для рождественской елки. Переложенные ватой елочные украшения. Когда я лазила под кровать в прошлый раз, я свято верила в Деда Мороза. Теперь я была уже не столь наивна. Значило ли это, что я повзрослела?

Выбираясь из-под кровати, я задела локтем старую жестянку из-под печенья. Еще одна знакомая вещь: сколько помню, она была здесь всегда. Картинка с шотландскими утесами на плотно пригнутой крышке, которую мне все равно не открыть. Рассеянно, скорее по старой привычке, я попробовала – и крышка с такой легкостью поддалась моим окрепшим пальцам, что я даже вздрогнула от неожиданности. Внутри обнаружился паспорт отца и

всякие официальные бумаги – одни напечатанные, другие написанные от руки. Там и сям мелькали печати и подписи с длинным росчерком.

Для меня слова «видеть» и «читать» давно уже значили одно и то же. Я бегло просмотрела бумаги. Свидетельство о браке моих родителей. Мое свидетельство о рождении – красными буквами на толстой бумаге кремового цвета. Подпись отца внизу. Я аккуратно сложила документ, переместила его в стопку к уже просмотренным и взяла следующий. Он был точь-в-точь таким же. Это меня озадачило. Зачем мне два свидетельства о рождении?

И тут я увидела отличие. Те же имена отца и матери, та же дата рождения, то же место, но *другое имя*.

Что произошло со мной в тот момент? Все в голове моей мгновенно распалось на мелкие частицы, а затем восстановилось уже в совершенно ином виде – это было одно из тех калейдоскопических превращений, какие порой претерпевает наш мозг.

У меня имелась сестра-близнец.

Я все еще была в смятении, когда мои любопытные пальцы машинально развернули следующий лист.

Свидетельство о смерти.

Моя сестра умерла.

Этим объяснялось многое.

Хотя и потрясенная внезапностью открытия, я в глубине души почти не удивилась. Сколько я себя помнила, у меня всегда было такое чувство – или даже не чувство, а знание, ввиду своей привычности не нуждавшееся в словесной формулировке, – будто рядом со мной постоянно присутствует *некто*. Едва уловимое изменение в структуре воздуха по правую руку от меня. Сгусток света. Какое-то присущее только мне свойство, вызывавшее колебания в пустом пространстве. Мой бледный призрак.

Прижав обе руки к правому боку, я наклонила голову вправо, почти касаясь носом плеча. Эту позу я инстинктивно принимала всякий раз, когда испытывала боль, растерянность или какое-либо затруднение. Прежде я об этом не задумывалась, но теперь поняла смысл жеста: я искала свою сестру-близнеца. Искала там, где ей полагалось быть. Рядом со мной.

Понемногу мир возвращался на круги своя, и я подумала, глядя на два листка бумаги: «Так вот оно что». Потеря. Тоска. Одиночество. Странному ощущению, всегда бывшему со мной и отдалявшему меня от прочих людей, наконец-то нашлось объяснение. Все дело в моей сестре.

Прошло много времени; внизу хлопнула дверь черного хода. Я поднялась на ноги – онемевшие икры покалывало – и вышла на лестничную площадку второго этажа как раз к тому моменту, когда миссис Робб появилась у подножья лестницы.

– Все в порядке, Маргарет?

– Да.

– У тебя есть все, что нужно?

– Да.

– Если что потребуется, загляни ко мне.

– Хорошо.

– Они уже скоро вернуться, твои мама и папа.

И она ушла.

Я спрятала документы в жестянку, убрала ее на место под кроватью и вышла из спальни, прикрыв за собой дверь. Перед зеркалом в ванной комнате я испытала шок, когда мои глаза встретились с глазами отраженной в нем девочки. Я чувствовала, как лицо мое горит под ее взглядом, казалось проникавшим сквозь мою кожу вплоть до костей.

Но вот на лестнице послышались шаги родителей.

Я появилась из ванной и сразу попала в отцовские объятия.

– Неплохо справилась, – одобрил он. – Следов погрома не видно.

Мама выглядела бледной и уставшей. Поход в гости обернулся для нее очередным приступом головных болей.

– Да, – сказала она, – умница.

– Тебе понравилось быть дома одной, дорогая? – спросил отец.

– Это было здорово.

– Я так и думал, – сказал он. И, не удержавшись, снова обнял меня и поцеловал в макушку. – А сейчас тебе пора в постель. И не читай много перед сном.

– Не буду.

Чуть попозже я услышала, как родители возятся перед отходом ко сну: отец ищет в аптечке таблетки для мамы и наливает воду в стакан. Далее прозвучала его всегдашняя фраза: «Тебе станет лучше после того, как ты хорошо выспишься», – и дверь гостевой комнаты затворилась. Через несколько секунд до меня донесся скрип кровати в отцовской комнате, потом – щелчок выключателя.

Я знала, что такое близнецы. Клетка, из которой должен был вырасти один человек, необъяснимым образом разделяется так, что из нее выходят два абсолютно одинаковых человека.

Я когда-то была близнецом.

Мой близнец умер.

Чем же я стала после этого?

Сунув руку под одеяло, я прикоснулась к серебристо-розовому шраму в форме полумесяца на моем боку. Это был знак, оставленный мне сестрой. Как археолог, я исследовала собственное тело в поисках свидетельств его давнего прошлого. Тело это показалось мне холодным, как труп.

Все еще держа в руке письмо, я покинула магазин и отправилась наверх в свою квартиру. Лестничный марш сужался на каждом из трех этажей, занятых книгохранилищем. По мере подъема, выключая за собой свет, я начала формулировать выражения для вежливого отказа мисс Винтер. Я могла написать ей, что никак не подхожу на роль биографа. Меня не интересует современная литература. Я не читала ни одной из книг Виды Винтер. Я привыкла работать в библиотеках и архивах и ни разу не брала интервью у живого писателя. Мне было легче иметь дело с умершими людьми, тогда как с живыми, сказать по правде, я чувствовала себя не в своей тарелке.

Хотя последнюю фразу вставлять в письмо, пожалуй, не стоило.

Я решила не утруждать себя приготовлением ужина – довольно было и чашки какао.

Ожидая, когда согреется молоко, я посмотрела в окно. На ночном стекле отражалось лицо столь призрачно-бледное, что сквозь него были видны темные небеса. Мы прижались друг к другу: щека к холодной щеке. Если бы кто-нибудь видел нас в этот момент, он не смог бы понять, кто из нас кто, не будь между нами этой стеклянной границы.

Тринадцать сказок

«Скажите мне правду». Эта фраза из письма металась в моей голове, подобно птице, попавшей в мансарду через каминную трубу и не могущей найти выход наружу. Не было ничего удивительного в том, что просьба мальчишки-репортера так на меня подействовала; мне тоже никогда не говорили правду, и я была вынуждена доискиваться ее самостоятельно, втайне от всех. «Скажите мне правду». То-то и оно.

Однако я твердо решила выбросить из головы эти слова, как и любые мысли о странном письме.

Час близился. Я начала торопиться. Заскочив в ванную, ополоснула лицо, наскоро почистила зубы и без трех минут восемь – уже в ночной рубашке и тапочках – ожидала закипания чайника. Ну же, быстрее... Восемь без одной минуты. Грелка была наготове, стакан наполнен водой из крана. Опаздывать никак нельзя. В восемь вечера окружающий мир переставал для меня существовать. Наступало время чтения.

Период между восемью часами вечера и часом или двумя ночи всегда был моим волшебным временем. На фоне голубого, вышитого «фитильками» постельного покрывала страницы раскрытой книги, охваченные кругом света от ночника, были для меня воротами в иной мир. Но в этот вечер магия не сработала. Сюжетные нити, державшие меня в напряжении накануне, теперь ослабли; очень скоро я обнаружила, что не могу уследить за тем, как они переплетаются, образуя ткань повествования. Я сделала над собой усилие, пытаюсь поймать и натянуть ускользающую нить, но как только мне это удалось, вмешался внутренний голос – «Скажите мне правду», – узелок распустился, нить вновь безвольно провисла, и сюжет окончательно потерял для меня интерес.

Отложив эту книгу, я обратилась к старым проверенным любимцам: «Женщине в белом», «Грозовому перевалу», «Джен Эйр»².

Но и это не помогло. «Скажите мне правду».

До той поры чтение еще ни разу не подводило меня. Книги были сама надежность. До той поры. Выключив свет, я поудобнее пристроила голову на подушке и попыталась заснуть.

Отзвуки голосов. Обрывки историй. В темноте я слышала их звучащими одновременно. «Скажите мне правду».

В два часа ночи я выбралась из постели, нашарила ногами домашние туфли и, завернувшись в халат, спустилась на первый этаж магазина.

Там есть маленькое – чуть побольше чулана – подсобное помещение, в котором мы обычно пакуем книги, предназначенные к отправке. В комнатке стоит рабочий стол, а над ним на полке разложены листы оберточной бумаги, ножницы и мотки бечевки. И еще там есть простой шкафчик с замком, где хранятся десятка полтора книг.

Содержимое шкафчика редко претерпевает изменения. Если бы вы заглянули в него сегодня, вы увидели бы то же самое, что я видела в ту ночь: с самого краю книга без обложки, рядом с ней украшенный аляповатым тиснением фолиант в кожаном переплете, далее парочка латинских книг, старинная Библия, три сочинения по ботанике, один исторический труд и обтрепанный до безобразия трактат по астрономии. Здесь же книга на японском, еще одна на польском и сборник стихов на староанглийском. Вы можете спросить, почему мы держим эти книги отдельно от других? Почему они не стоят на стеллажах среди своих собратьев? Да потому, что в этом шкафчике мы храним редкие, загадочные, по-настоя-

---

² Классика английской литературы Викторианской эпохи: романы Уилки Коллинза «Женщина в белом» (1860), Эмили Бронте «Грозовой перевал» (1847) и Шарлотты Бронте «Джен Эйр» (1847).

щему ценные книги. Содержимое шкафчика стоит не меньше – а скорее всего, много больше – содержимого всех прочих книжных полок магазина вместе взятых.

Нужная мне книга – в твердом переплете с суперобложкой, размером четыре на шесть дюймов, изданная всего каких-то полвека назад, – находилась тут же, среди старинных редкостей. Ее появление в шкафчике двумя месяцами ранее я приписала отцовской рассеянности и все собиралась при случае напомнить ему об этом и переместить книгу на стеллажи в более подходящую ей компанию. Тем не менее, прежде чем за нее взяться, я – скорее по привычке – надела белые нитяные перчатки. Мы всегда это делаем при работе с ценными образцами; парадокс заключается в том, что хотя книги и оживают, когда мы их читаем, но в то же время при перелистывании страниц сальные выделения наших пальцев наносят им вред, постепенно разрушая бумагу. Впрочем, данный экземпляр был в хорошем состоянии: обложка без повреждений, углы страниц не затерты. Это была книга из некогда популярной, добротной сделанной серии, которую выпускало ныне уже не существующее издательство. Симпатичный томик, к тому же первое издание, но явно не из тех вещей, что вы ожидаете увидеть в святой святых букиниста. На благотворительных базарах и сельских праздниках такие книги продаются по несколько пенсов за штуку.

Суперобложка была окрашена в кремовый и зеленый цвета; фоновый узор в виде рыбьей чешуи окружал две рамки, в одной из которых помещалась нарисованная пером русалка, а во второй – имя автора и название книги: Вида Винтер. «Тринадцать сказок о переменах и потерях».

Я заперла шкафчик, убрала ключ и карманный фонарик на их обычные места и поднялась в свою спальню, держа книгу в обтянутой белой перчаткой руке.

В мои намерения не входило прочесть ее от корки до корки. Отнюдь. Мне было нужно всего лишь несколько фраз – что-нибудь достаточно яркое и сильное, чтобы перебить тягостное впечатление от слов из письма, по-прежнему вертевшихся у меня в голове. Как говорится, клин клином. Пара предложений, максимум страница, и я наконец-то смогу заснуть.

Я сняла суперобложку и убрала ее в выдвижной ящик тумбочки, специально предназначенный для таких целей. Перчатки перчатками, а дополнительные предосторожности не помешают. Раскрыв книгу, я первым делом приблизила ее к лицу и втянула воздух носом. Характерный кислотовато-сухой запах – чтобы не сказать вкус – старых книг.

Итак, пролог. Всего несколько строк.

Но, едва пробежав глазами первую фразу, я очутилась в западне.

Все дети мифологизируют свое появление на свет. Так уж мы устроены. Хотите лучше понять человека, увидеть его истинную сущность? Попросите его рассказать о собственном рождении. То, что вы услышите в ответ, не будет правдой; это будет фантастическая история. Но именно из таких историй мы узнаем самое главное.

Я будто нырнула в омут.

Крестьяне и принцессы, бейлифы и поварята, купцы и русалки – все герои были легко узнаваемы. Я встречала эти сюжеты сотни, тысячи раз прежде. Истории из числа тех, что знакомы каждому с детства. Но по мере чтения герои представляли в новом свете. Они изменялись буквально на глазах. Это были уже не раскрашенные куклы из моих детских книжек с картинками, механически выполняющие предписанные сюжетом действия. Это были люди. Кровь из пальца принцессы, которой она поранила, дотронувшись до колеса прялки, была теплой и липкой, и эта кровь оставила на ее языке привкус металла, когда принцесса лизнула ранку, прежде чем погрузиться в бесконечно долгий сон. Соленые слезы прожгли

извилистые ручейки на щеках старого короля, когда он увидел свою любимую дочь впавшей в бесчувствие. Все сказки были проникнуты совсем не сказочным настроением. Под конец заветные желания персонажей исполнялись – беспробудная, казалось бы, красавица, к радости ее царственного родителя, пробуждалась от поцелуя какого-то иноземца, чудище сбрасывало опостылевшую шкуру и становилось внешне похожим на человека, русалка обрела ноги и вместе с ними способность ходить по земле, – но лишь с большим опозданием все они осознавали, какую цену им придется заплатить за попытки уйти от своей судьбы. Стандартная финальная формула «и с тех пор они жили долго и счастливо» не срабатывала. Судьба, поначалу представавшая благоразумной, склонной к уступкам и компромиссам особой, в финале безжалостно мстила героям за обретенное ими недолгое счастье.

Это были жесткие, пронзительные, душераздирающие истории. Я просто не могла от них оторваться.

Но вот, читая сказку о русалке – двенадцатую по счету, – я начала испытывать беспокойство, никак не связанное с ходом повествования. Большой и указательный пальцы правой руки настойчиво посылали мне сигнал: «Осталось мало страниц». Наконец я не выдержала и, прервав чтение, повернула книгу торцом, чтобы проверить это ощущение. Все верно. Тринадцатая сказка, вероятно, была очень короткой.

Я продолжила чтение, закончила двенадцатую сказку и перевернула страницу.

Пусто.

Я пролистала книгу назад, затем опять вперед. Ничего.

Здесь не было тринадцатой сказки.

Я ощутила внезапный прилив крови к голове, подобный тому, что испытывает водолаз, слишком быстро поднявшийся из морской глубины на поверхность.

Окружающая обстановка постепенно, предмет за предметом, возвращалась в поле моего зрения: постельное покрывало, книга в моей руке, ночник, бледно горевший в свете дня, который пробивался сквозь тонкие занавески.

Уже наступило утро.

Я провела за чтением всю ночь.

Тринадцатой сказки не было.

В магазине я застала отца, который сидел за столом, обхватив руками голову. Он услышал шаги на лестнице и повернул ко мне мертвенно-бледное лицо.

– Что случилось? – спросила я, бросаясь к нему.

Он был слишком потрясен, чтобы произнести хоть слово, и лишь поднял руки в красноречивом жесте отчаяния, а после вновь закрыл ладонями глаза, издав глухой стон.

Моя рука потянулась было к его плечу, но вместо этого легла на отцовский джемпер, висевший на спинке его стула (я не имею привычки трогать людей без особой необходимости).

– Могу я чем-то помочь? – спросила я.

Наконец он заговорил слабым и дрожащим голосом:

– Нужно позвонить в полицию. Сейчас же, скорее...

– В полицию? Но что случилось, папа?

– Ограбление. – В его устах это прозвучало как «конец света».

Я осмотрела помещение магазина, недоумевая. Все было в полном порядке: запертые ящики стола не взломаны, книги на полках не тронуты, окно не разбито.

– Шкафчик, – простонал отец.

Я начала понимать, в чем дело.

– Если ты о «Тринадцати сказках», то они наверху, в моей комнате. Я взяла эту книгу почитать.

Отец уставился на меня снизу вверх. Его лицо вместе с облегчением и радостью выражало сильнейшее изумление.

– Ты взяла ее почитать?

– Да.

– Ты ее взяла?

– Ну да.

Его тон меня озадачил. Я все время брала книги из магазина, и он прекрасно это знал.

– Но *Вида Винтер*?..

И тут я поняла, почему он так удивлен. Я всегда читала только *старые* романы. По одной простой причине: мне нравятся «правильные» развязки. Бракосочетание и смерть, благородная жертва и чудесное избавление, трагический разрыв и счастливое воссоединение, крушение всех надежд и осуществление мечты – именно такие вещи, на мой взгляд, составляют финал, которого стоило дожидаться, переворачивая страницы. Этому должны предшествовать разного рода приключения, опасности и коллизии, ставящие героев перед нелегким выбором, притом что все хитросплетения сюжета ловко распутываются автором в самом конце. Подобные развязки гораздо чаще встречаются в старых романах, и потому я предпочитала их новым.

Я мало что знала о современной литературе. Отец неоднократно поднимал эту тему во время наших ежедневных бесед о книгах. Он читает так же много, как я, но круг его интересов гораздо шире, и я очень ценю его мнение. В точных, выверенных фразах он старался передать мне то чувство прекрасной грусти, что охватывало его по прочтении романов, показывавших беспредельность человеческих страданий, противопоставить которым человек мог лишь терпение и стойкость. Он говорил о романах с открытым финалом, чье эхо звучало в его голове много дольше, чем отзвуки громких эффектных концовок. Он объяснял, почему такая неопределенность трогает его сердце сильнее, нежели предпочитаемые мною стандартные «смертельно-свадебные» закругления сюжета.

Во время этих бесед я всякий раз выслушивала его с величайшим вниманием, согласно кивая, но затем бралась за старое. Отец меня за это не осуждал. Мы с ним были полностью согласны в одном: на свете слишком много книг, чтобы все их можно было прочесть за одну человеческую жизнь, и потому желательно где-то провести черту, заранее ограничив сферу своего чтения.

Помнится, как-то раз отец даже порекомендовал мне Вида Винтер:

– Вот современный автор, который может тебе понравиться.

Но я так и не добралась до ее сочинений. Зачем тратить время на живых, когда есть еще масса не открытых мною давно умерших писателей?

И вот теперь я вдруг среди ночи спустилась вниз, чтобы взять «Тринадцать сказок» из заветного шкафчика. Так что удивление отца по этому поводу было вполне законным.

– Мне вчера пришло письмо, – начала я.

Он кивнул.

– Оно было от Виды Винтер.

Отец поднял брови, но ничего не сказал, ожидая продолжения.

– Она приглашает меня к себе. Хочет, чтобы я написала ее биографию.

Отцовские брови приподнялись еще на несколько миллиметров.

– Я никак не могла заснуть и решила посмотреть эту книгу.

Я ждала ответной реплики, но ее не последовало. Отец глубоко задумался, о чем свидетельствовала рассекая его лоб морщина. Так и не дождавшись окончания этой паузы, я перешла к вопросам:

– Почему она хранится в шкафчике? Что в ней такого ценного?

Отец отвлекся от своих мыслей и наконец-то подал голос:

– Отчасти потому, что это первое издание самой первой книги самого знаменитого из ныне живущих англоязычных авторов. Но главным образом потому, что это книга с типографским дефектом. Каждое последующее издание выходило под названием «Сказки о переменах и потерях». Без упоминания об их числе. Ты заметила, что сказок на самом деле не тринадцать, а двенадцать?

Я кивнула.

– По всей вероятности, сначала их действительно было тринадцать, однако в последний момент одна сказка была исключена из сборника, а с оформлением обложки вышла путаница. В результате книга была издана под первоначальным названием, но только с двенадцатью сказками. Пришлось изымать из продажи весь тираж.

– Но твой экземпляр...

– Нашел прореху в неводе. Одна пачка книг была по ошибке отправлена в магазин в Дорсете, и некий посетитель купил эту книжку еще до того, как недоразумение обнаружилось и до магазина дошло письмо с требованием завернуть всю партию. Тридцать лет спустя этот человек узнал, что книга представляет немалую ценность, и продал ее одному букинисту. А в сентябре имущество этого букиниста было выставлено на аукцион, где я ее и приобрел. На доходы от авиньонской сделки.

– От авиньонской сделки?!

Переговоры по авиньонской сделке он вел на протяжении двух лет. Это была одна из самых выгодных коммерческих операций моего отца.

– Ты не забыла надеть перчатки? – спросил он с некоторой тревогой.

– За кого ты меня принимаешь?

Он улыбнулся, прежде чем продолжить:

– Все эти усилия были напрасными.

– Ты о чем?

– Об изъятии тиража из-за неверного названия книги. Люди до сих пор именуют ее «Тринадцать сказок», хотя она уже полвека переиздается как «Сказки о переменах и потерях».

– Но почему?

– Результат сочетания громкой славы с таинственностью. Поскольку достоверные сведения о Виде Винтер крайне скудны, любые мелкие детали, вроде случая с изъятием первого издания, становятся частью ее мифологии. Загадка тринадцатой сказки. Это дает пищу для всяческих домыслов.

Он сделал небольшую паузу, а затем, устремив взгляд в пространство между стеллажами, прошептал так тихо, что я могла по своему выбору либо счесть эти слова произнесенными, либо позволить им кануть в пустоту:

– И вдруг эта биография... Как странно...

Я вспомнила письмо и свои опасения, стоит ли доверять его автору. Я вспомнила настоятельную просьбу юного репортера: «Скажите мне правду». Я вспомнила «Тринадцать сказок» – книгу, завладевшую мною с первых же слов и продержавшую меня в плену всю прошедшую ночь. Мне захотелось снова попасть в этот плен.

– Я не знаю, как поступить, – сказала я отцу.

– Это не то, что ты делала до сих пор. Вида Винтер – *живой* объект исследования. Тебе придется брать интервью, а не рыться в архивах.

Я кивнула.

– Но ты бы хотела познакомиться с автором «Тринадцати сказок»?

Я ответила новым кивком.

Отец положил руки на колени и вздохнул. Он знал, какую власть над человеком могут приобрести книги.

– Когда она просила тебя приехать?

– В понедельник.

– Я отвезу тебя на вокзал, ты не против?

– Спасибо. И еще...

– Что?

– Можно мне сделать перерыв в работе? Мне надо будет еще кое-что почитать, прежде чем оправляться на эту встречу.

– Да, – сказал он с улыбкой, которая не могла скрыть его обеспокоенность. – Да, разумеется.

За этим разговором последовал один из самых чудесных периодов в моей жизни. Впервые за все время на тумбочке у моей постели возвышалась стопа бестселлеров в глянцевых мягких обложках, приобретенных по обычной цене в самом обычном книжном магазине. «Ни то ни се» Виды Винтер, «Повторно и навеки» Виды Винтер, «Призраки» Виды Винтер, «Из-под свода» Виды Винтер, «Печальные правила» Виды Винтер, «Именинная девочка» Виды Винтер, «Кукольный спектакль» Виды Винтер. Рисунки на обложках, выполненные одним и тем же художником, излучали тепло и мощь: преобладали янтарные, алые, золотые и пурпурные тона. Заодно я купила «Сказки о переменах и потерях»; заглавие теперь казалось мне незавершенным без слова «тринадцать», которое делало столь ценным отцовский экземпляр этой книги. Его я возвратила на законное место в «сокровищнице».

Берясь за произведение нового для тебя автора, всегда ожидаешь чего-то особенного, и книги мисс Винтер подарили мне то же радостное возбуждение, какое я испытала, к примеру, обнаружив в архивах дневники братьев Ландье. Но на сей раз это было нечто большее. Я с юных лет читала запоем; сколько я себя помню, чтение всегда было для меня величайшим удовольствием. И все же следует признать, что книги, которые я прочла, уже будучи взрослой, не могли сравниться по силе воздействия на мое сознание с теми, что я читала в детстве. Я до сих пор верю в сказки. Я по-прежнему забываю обо всем на свете, когда погружаюсь в хорошую книгу. Но это уже не то, что было раньше. Для меня нет ничего важнее книг; однако я помню время, когда книги были для меня чем-то более обыденным и в то же время более существенным, чем они являются сейчас. В детстве они были для меня *всем*. Отсюда моя тоска по утраченному счастью живого и непосредственного общения с книгами. Увы, подобные утраты невозполнимы, и я это прекрасно сознавала. Но неожиданно те счастливые времена, когда я дни и ночи проводила с книгами, разбросанными по моей постели, когда темные, лишённые сновидений периоды сна пролетали в одно мгновение, и я вновь пробуждалась для того, чтобы продолжить чтение, – те времена с их, казалось бы, навсегда потерянными радостями, неожиданно вернулись. Мисс Винтер вновь подарила мне ощущение новичка, впервые открывающего для себя мир книг, и я была зачарована ее историями.

Время от времени отец стучал в дверь моей комнаты под самой крышей дома, а затем, приоткрыв ее, заставлял меня самозабвенно поглощающей очередной бестселлер. «Не пора ли тебе подкрепиться?» – говорил он и оставлял мне пакет с сэндвичами или пинту молока.

Я была бы счастлива навсегда остаться в этой комнате в обществе этих книг. Но поскольку мне предстояли поездка в Йоркшир и встреча с мисс Винтер, я сочла нужным сделать еще одно дело. Прервав на день чтение, я отправилась в библиотеку, чтобы изучить разделы «Литературные новинки» в номерах центральных газет, совпадавших по времени с публикацией последних романов Виды Винтер. Сразу после выхода в свет новой книги она обычно устраивала в одном из харрогейтских отелей встречу с несколькими журналистами и, принимая их в номере поочередно, излагала каждому оригинальный вариант своей био-

графии. За ее жизнь подобных историй должно было накопиться много десятков, если не сотен. С полдюжины их попало мне на глаза даже при беглом просмотре газет.

После публикации «Ни то ни се» она предстала как незаконнорожденная дочь священника и школьной учительницы; год спустя на страницах той же газеты при анонсировании «Призраков» она была уже беглой дочерью парижской куртизанки. На момент выхода «Кукольного спектакля» газетчикам были предложены очередные версии ее происхождения: сирота, выросшая в приюте при женском монастыре в Швейцарии; беспризорница из трущоб Ист-Энда; несчастная забитая девочка – единственная дочь в семье, где у нее было десять буйных неуправляемых братьев. Мне особенно понравилась история о том, как она, стечением обстоятельств разлученная со своими родителями, шотландскими миссионерами в Индии, зарабатывала на пропитание рассказами о далекой и прекрасной Шотландии. Она рассказывала индийцам на улицах Бомбея о сосновых лесах, где воздух пропитан эфиром, напоминающим по запаху молодые побеги кориандра; о белоснежных вершинах гор, красотой не уступающих Тадж-Махалу; об изысканнейшей еде под названием хаггис³, с которой не идет ни в какое сравнение даже самая лучшая пакора⁴; и о волынках. Ах, этот сладостный звук волынок, всю прелесть которого бессильны описать слова! Когда много лет спустя она наконец-то вернулась в родную Шотландию, покинутую ею еще во младенческом возрасте, разочарование было ужасным. Местные сосны пахли чем угодно, только не кориандром. Снег оказался *холодным*. Хаггис был так же противен на вкус, как и на вид. Ну а что касается волынок...

Такие разные истории – сентиментальные или сухо-информативные, проникнутые трагическим пафосом или мрачноватой иронией, забавные или язвительные, – но каждая из них являлась маленьким шедевром. Для иного писателя они могли бы стать вершиной его творчества; для Виды Винтер это были отходы литературного производства. При всем том вряд ли кто-нибудь рассчитывал найти в ее рассказах хоть крупинку правды.

В воскресенье – день накануне моего отъезда – я навестила родительский дом. С годами он ничуть не меняется; одного дуновения серого волка по-прежнему достаточно, чтобы смести его с лица земли.

Мама вымучивала улыбку и оживленно болтала за чаем, перепрыгивая с темы на тему: соседский сад, дорожные работы в городе, ее новые духи и так далее. Легкая пустая болтовня как средство спасения от тишины – той тишины, в которой таились мучившие ее демоны. Она хорошо справлялась со своей ролью: ни единого намека на то, что она терпеть не может выходить за пределы дома, что даже самое незначительное изменение в установившемся порядке вещей вызывает у нее мигрень, что она никогда не читает книги из боязни найти в них слишком сильные проявления чувств.

Лишь когда мама отправилась на кухню заваривать новую порцию чая, мы с отцом смогли поговорить о мисс Винтер.

– Это не настоящее имя, – сказала я. – Будь оно настоящим, ее биографию можно было бы проследить по каким-нибудь официальным документам. Но до сих пор никому не удалось это сделать. Никто не знает о ней ни единого достоверного факта.

– Это очень странно.

– Выглядит так, будто она появилась ниоткуда. Как будто она вообще не существовала в природе до того, как стать писательницей. Как будто она выдумала сама себя одновременно с сочинением своей первой книги.

---

³ Хаггис – шотландское национальное блюдо: вареный овечий желудок с начинкой из потрохов, жира, овсяной муки, репчатого лука и специй.

⁴ Пакора – популярная индийская закуска, основными ингредиентами которой являются курятина, лук, картофель, баклажаны и помидоры с приправами, залитые жидким тестом и обжаренные в кипящем масле.

– Кое-какие предположения мы можем сделать хотя бы по выбранному ею псевдониму, – сказал отец.

– *Vida*. От латинского *vita*, что значит «жизнь», – предположила я. – Но если взять за основу французский...

Vide по-французски значит «пустота». Пустое место. Ничто. Поскольку мы избегаем употреблять такие слова в родительском доме, я ограничилась намеком, предоставляя отцу домысливать остальное.

– Подходяще, – кивнул он. – А как насчет Винтер?

*Winter*⁵. В поисках вдохновения я обернулась к окну. Там, за лицом моего призрачного двойника, тянулись к темнеющему небу голые ветви деревьев и чернели пустые цветочные клумбы. Стекло не спасало от ощущения пронзительного холода, как не могло пламя газового обогревателя рассеять заполнявшую комнату атмосферу унылой безысходности. Что для меня означала зима? Только одно: смерть.

Мы молчали, пока я не почувствовала необходимость хоть что-нибудь сказать, дабы избавиться от тяжкого и опасно нарастающего груза мыслей, порожденных последним сравнением.

– У нее острое и колючее имя, – сказала я. – Буквы «V» и «W» напоминают вилы или частокол. Вида Винтер. Звучит зло и резко.

С кухни возвратилась мама. Разливая чай по чашкам, она возобновила свою болтовню, и звуки ее голоса блуждали в пределах тщательно контролируемого ею жизненного пространства так легко и свободно, словно это пространство не ограничивалось стенами дома, а простиралось как минимум на семь акров окрест.

Я рассеянно оглядела знакомую комнату. На каминной полке находился едва ли не единственный предмет здешней обстановки, который можно было назвать украшением. Старая фотография. Время от времени мама порывается убрать ее в шкаф, чтобы, мол, не пылилась, но отцу нравится этот снимок, а поскольку он крайне редко ей противоречит, мама в данном вопросе идет на уступку. На фотографии изображены юные жених и невеста. Отец выглядит как всегда: неброско красивый, со спокойным, задумчивым выражением темных глаз; прошедшие годы, казалось, мало его изменили. Зато женщину рядом с ним не узнать. Непринужденная улыбка, веселые искорки в глазах, которые с любовью смотрят на моего отца. Она выглядит совершенно счастливой.

Трагедия все изменила.

Практически одновременно с моим появлением на свет женщина, изображенная на свадебном фото, исчезла.

Я перевела взгляд на мертвый сад за окном. Оттуда, на фоне угасающего дня, моя сестра-призрак заглядывала в эту мертвую комнату. Интересно, какими мы ей представляемся? Что она думает о наших попытках убедить самих себя в том, что это и есть жизнь и что мы по-настоящему живы?

---

⁵ Зима (англ.).

Прибытие

Когда я отправилась в путь, был самый обычный зимний день. Милю за милей наш поезд катил под затянутым белой дымкой небом, но ко времени пересадки на узловой станции тучи стали темнеть и сгущаться. По мере моего продвижения на север они набухали, и теперь я каждую минуту ожидала услышать дробь дождевых капель по оконному стеклу. Однако дождь не спешил начинаться.

На вокзале в Харрогейте меня встретил шофер мисс Винтер, темноволосый, бородастый и неразговорчивый. Последнее обстоятельство меня вполне устраивало, поскольку он не отвлекал меня от созерцания незнакомого пейзажа, открывшегося по выезде из города. Я никогда прежде не бывала на севере Англии. Мои литературные изыскания иногда заводили меня в Лондон, да еще пару раз я пересекала Ла-Манш, чтобы посетить библиотеки и архивы Парижа. Йоркшир я знала только по книгам, причем это были по преимуществу романы, написанные более ста лет назад. За городской чертой приметы современности попадались нечасто, и я легко могла себе представить, что путешествую не только в глухую провинцию, но одновременно и в прошлое. Здешние деревни смотрелись причудливо и старомодно с их церквушками, придорожными трактирами и одноэтажными каменными домами; постепенно размеры поселений уменьшались, а расстояния между ними увеличивались, и наконец лишь отдельно стоящие фермы изредка нарушали однообразие голых зимних полей. Но вот и фермы остались позади; смеркалось. Свет фар выхватывал из полумрака неясные обесцвеченные куски ландшафта без каких-либо запоминающихся деталей: ни изгородей, ни стен, ни зданий. Только бесконечная лента шоссе и по краям ее – слабо колеблющиеся стены тьмы.

– Это что, болота? – спросила я.

– Да, – ответил шофер.

Я приблизила лицо к окну, но смогла разглядеть лишь тяжелое, насыщенное водой небо, клаустрофобически нависавшее над равниной, над пустынной дорогой, над нашим автомобилем. Все отчетливее обозначалась граница между светом и тьмой впереди, где скользили по асфальту лучи фар.

На лишенном указателей перекрестке мы свернули с шоссе и проехали пару миль по каменистой проселочной дороге. Водитель дважды останавливался и выходил из машины, чтобы открыть, а потом закрыть уже за нами какие-то ворота посреди поля, после чего мы протряслись по ухабам еще примерно милю.

Дом мисс Винтер располагался в лощине между двумя пологими возвышенностями (с некоторой натяжкой их можно было назвать холмами), которые в темноте сливались в одно целое, так что лощина и здание открылись моему взору лишь с последним поворотом дороги. На фоне ночного неба, к тому времени окрашенного переливами фиолетового, синего и темно-серого цветов, дом выглядел приземистым, длинным и абсолютно черным. Шофер открыл мне дверцу; выбравшись наружу, я увидела, что он уже извлек из багажника мой чемодан и готов убыть восвояси, оставив меня одну перед неосвещенным крыльцом. Окна были закрыты глухими ставнями; дом казался необитаемым. Само его укромное местоположение указывало на то, что здесь не привечают гостей.

Я нажала кнопку звонка. Его звук был странно приглушенным – вероятно, из-за сырого воздуха. В ожидании ответной реакции я еще раз оглядела небосвод. Холод от земли начал пробираться через подошвы моих туфель, и я снова нажала кнопку. К двери с той стороны никто не подходил.

Я уже протянула руку, чтобы позвонить в третий раз, когда дверь внезапно – и бесшумно – отворилась.

Появившаяся в дверном проеме женщина одарила меня профессионально вежливой улыбкой и извинилась за задержку. На первый взгляд в ней не было совершенно ничего примечательного. Короткие, тщательно расчесанные волосы имели тот же тусклый оттенок, что и кожа, а цвет глаз не поддавался четкому определению: что-то среднее между голубым, зеленым и серым. Отсутствие ярких красок идеально гармонировало с бесстрастным выражением ее лица. Впрочем, когда женщина в свою очередь окинула меня быстрым, изучающим взглядом, я заподозрила, что эти глаза вполне способны оживляться проявлениями эмоций, которые она, судя по всему, прекрасно умела сдерживать.

– Добрый вечер, – сказала я. – Меня зовут Маргарет Ли.

– Биограф? Мы вас ждем.

Не знаю, чем это объясняется, но в иных ситуациях мы способны мгновенно распознавать притворство, даже самое изощренное. И сейчас я сразу почувствовала, что эта женщина сильно встревожена, хотя внешне это никак не проявилось. Возможно, эмоции имеют свой запах или привкус; возможно, они передаются от человека к человеку посредством каких-то особых волн. Что бы там ни было, но я знала совершенно точно, что беспокойство ее вызывала не я как таковая, а сам по себе факт появления здесь постороннего человека.

Она впустила меня в дом и заперла дверь. Ключ провернулся в замке без малейшего скрежета; столь же бесшумно вошли в пазы тщательно смазанные засовы.

Очутившись в прихожей, я впервые уловила главную странность этого места: в доме мисс Винтер стояла глубочайшая тишина.

Женщина сказала мне, что ее зовут Джудит и что она выполняет здесь обязанности экономки. Она поинтересовалась, хорошо ли я доехала, и сообщила, в какое время у них обычно подают на стол и когда я смогу воспользоваться горячей водой. Ее рот раскрывался и закрывался в процессе артикуляции, а слетавшие с ее губ слова тотчас гасли и исчезали, подавляемые нависшим над нами плотным покровом тишины. Та же тишина проглатывала звуки наших шагов и открываемых дверей, когда она водила меня по дому, показывая расположение комнат – столовая, гостиная, музыкальный зал...

Никакой волшебной подоплеки здесь не было: тишина поддерживалась благодаря избытку обивочных материалов и декоративных тканей. На многочисленных диванах и кушетках громоздились пирамиды разнокалиберных бархатных подушек; даже скамеечки для ног были обиты толстым сукном; почти в каждом углу стояло мягкое кресло или шезлонг; гобелены не только висели на стенах, но и использовались как покрывала для мебели. Пол всюду был застлан коврами, поверх которых лежали ковровые дорожки. Портьеры из камчатной ткани закрывали окна и тянулись дальше вдоль стен. Как промокательная бумага впитывает свежие чернила, так все эти ткани, шерсть и набивка впитывали звуки, с той лишь разницей, что промокашка забирает только лишнее, оставляя видимой надпись, а заполнявшие этот дом материалы, похоже, поглощали и саму суть произносимых слов.

Я шла следом за экономкой. Мы сворачивали то налево, то направо, поднимались и спускались по лестницам, так что я скоро запуталась и потеряла ориентацию. Мне никак не удавалось соотнести сложную систему коридоров и комнат внутри здания с простотой его внешнего облика. Вероятно, дом неоднократно достраивали и перепланировали; по моим представлениям, мы должны были находиться в каком-то его крыле, невидимом со стороны фасада.

– Со временем вы тут освоитесь, – сказала экономка, заметив мою растерянность.

Эту фразу я не столько расслышала, сколько прочла по ее губам. Наконец мы достигли площадки между двумя пролетами лестницы и остановились. Женщина отперла ключом дверь, и мы вошли в небольшую гостиную, где имелось еще три двери помимо входной.

– Ванная, – объявила экономка, открыв одну из дверей и сразу перемещаясь к следующей. – Спальня. А это кабинет.

Здесь, как и повсюду в доме, царили мягкая мебель, ковры и портьеры.

– Вы будете ужинать в столовой или у себя? – Она указала на столик и одинокий стул перед окном.

Не зная, предполагает ли ужин в столовой общение с хозяйкой дома, и не будучи уверена в своем нынешнем статусе (гость или наемный работник?), я колебалась с выбором: какой из вариантов будет более вежливым? Догадавшись о причине моего затруднения, экономка выдала дополнительную информацию, что было явно против ее правил:

– Мисс Винтер всегда принимает пищу в одиночестве.

– Раз так, я предпочла бы поужинать здесь, если вас это не затруднит.

– Подать суп и сэндвичи прямо сейчас? Вы, должно быть, проголодались после поездки. Чай и кофе можете готовить сами в любое время. – Она открыла дверцы буфета, стоявшего в углу спальни, и продемонстрировала мне чайник и прочую кухонную утварь, а также небольшой встроенный холодильник. – Это избавит вас от необходимости заглядывать на кухню, – добавила она, сопроводив эти слова сконфуженной улыбкой и тем самым как бы извиняясь за то, что лишает меня права посещать ее кухонные владения.

Засим она удалилась, предоставив мне заниматься распаковкой моих вещей.

Обустройство – то есть извлечение из чемодана немногих предметов одежды, книг и туалетных принадлежностей – заняло у меня всего пару минут. Привезенный с собой пакет какао-порошка я поместила в буфет, сдвинув в сторону чайно-кофейный набор, после чего не удержалась и опробовала высокую старомодную кровать, столь щедро наделенную подушками и перинами, что никакое количество горошин под ними не смогло бы нарушить мой сон, даже будь я всамделишной принцессой. Со всем этим я управилась до возвращения экономки, которая принесла поднос с едой.

– Мисс Винтер приглашает вас для беседы в библиотеку к восьми часам.

Она сделала все от нее зависящее, чтобы эта фраза прозвучала как просьба, но я сразу поняла (и тут уже сомневаться не приходилось), что это был категорический приказ.

Знакомство с мисс Винтер

Вопреки моим ожиданиям поиск библиотеки не занял много времени, и я очутилась там двадцатью минутами ранее назначенного срока. Мне это было только на руку. Где еще я могла бы с большим удовольствием провести время, как не в библиотеке? И потом, для меня нет лучшего способа загодя узнать что-нибудь о человеке, чем возможность оценить его литературные предпочтения и манеру обращения с книгами.

С первого взгляда библиотека поразила меня своей несхожестью с прочими комнатами дома. Если те напоминали кладбище безвременно скончавшихся от удущья слов, то здесь, напротив, дышалось вполне свободно. Деревянные панели не были задрапированы материей; под ногами вместо ковров лежали гладкие половицы; закрытые ставнями окна не прятались за шторами; от стен к центру комнаты тянулись ряды дубовых шкафов с книгами.

Это было высокое, вытянутое в длину помещение. Верхушки пяти арочных окон на одной его стороне достигали потолка, а подоконники находились почти вровень с полом. Аналогичные по размерам и форме зеркала были размещены на противоположной стене с таким расчетом, чтобы воспроизводить вид за окнами, но сейчас они отражали только резную внутреннюю поверхность ставней. Книжные шкафы стояли торцом к стене в промежутках между окнами и зеркалами, формируя два ряда ниш, в каждой из которых находился столик, а на нем лампа с абажуром янтарного цвета. Не считая огня в камине на другом конце комнаты, эти лампы были здесь единственными источниками света, мягкого и теплого, за кругами которого терялись в полумраке ряды книг.

Я медленно двигалась по комнате, заглядывая в ниши слева и справа от центрального прохода, и вскоре обнаружила, что непроизвольно покачиваю головой в знак одобрения. Передо мной была основательная, хорошо устроенная библиотека. Книги распределялись по категориям и по именам авторов в алфавитном порядке – именно так поступила бы я сама. Здесь присутствовали все мои любимые произведения и еще множество очень редких книг наряду с менее ценными, порой сильно зачитанными экземплярами. Среди прочих я нашла не только «Джен Эйр», «Грозовой перевал» и «Женщину в белом», но и «Замок Отранто», «Тайну леди Одли» и «Невесту призрака»⁶. Дрожь волнения охватила меня при виде уникального издания «Джекила и Хайда»⁷, столь редкого, что мой отец после долгих безуспешных поисков вообще разуверился в его существовании.

Не уставая восхищаться богатейшей коллекцией книг мисс Винтер, я шаг за шагом приближалась к камину в дальнем конце комнаты. В крайней правой нише мое внимание привлек один стеллаж, резко выделявшийся на общем фоне: вместо темных потертых корешков старинных книг здесь переливались яркими красками глянцевые образчики печатного дела последних десятилетий. Единственные современные книги в этой библиотеке. Книги самой мисс Винтер. Они были размещены в хронологическом порядке – начиная с ранних произведений на верхних полках вплоть до последних бестселлеров в самом низу, причем каждая книга фигурировала в разных изданиях, включая иностранные. В этом ряду отсутствовали «Тринадцать сказок» – то самое забракованное издание, что положило начало моему знакомству с творчеством мисс Винтер, зато «Сказки о переменах и потерях» были представлены полутора десятками версий.

---

⁶ Набор для любителей «старомодных ужасов»: готический роман Горация Уолпола «Замок Отранто» (1762), мрачный викторианский детектив Мэри Брэддон «Тайна леди Одли» (1862) и страшная сказка Уильяма Гаррисона Эйнсуорта «Невеста призрака» (1822).

⁷ Имеется в виду повесть Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886).

Я взяла с полки недавно вышедший роман Виды Винтер и открыла его на первой странице. Там описывалось появление пожилой монахини в домике на окраине неназванного города, скорее всего, где-то в Италии. Монахиню проводят в комнату, где некий самодовольный юноша – судя по всему, англичанин или американец – не без удивления приветствует нежданную гостью. (Я перевернула страницу; как и в случаях с другими книгами Виды Винтер, начальные фразы захватили меня целиком, и я перестала следить за временем.) Молодой человек еще не осознает то, что уже ясно читателю: этот визит будет иметь последствия, которые в корне изменят всю его жизнь. Монахиня приступает к объяснению, никак не реагируя (я перевернула еще одну страницу, забыв о библиотеке, забыв о мисс Винтер, забыв о самой себе) ...на легкомысленные реплики собеседника...

Внезапно что-то постороннее вмешалось в процесс чтения и отвлекло меня от книги. Я ощутила легкое покалывание в области затылка.

Кто-то за мной следил.

Мне было хорошо известно выражение «почувствовать на себе чей-то взгляд», но в реальности я с этим столкнулась впервые. Как оно свойственно многим любителям уединения, мои органы чувств особо восприимчивы к чужому присутствию; посему мне больше подходит амплуа наблюдателя, нежели пассивная роль наблюдаемого объекта. И вот теперь я стала таким объектом, причем наблюдение за мной велось уже достаточно долго. Я попыталась вспомнить, когда впервые возникло это покалывание в затылке, соотнося воспоминания с только что прочитанным текстом. В начале рассказа монахини? Или когда она вошла в дом? Или еще раньше? Размышляя, я продолжала смотреть в книгу, будто ничего не заметила.

И наконец я вспомнила.

Это ощущение появилось еще до того, как я взяла книгу в руки.

Дабы выиграть время, я перевернула очередную страницу, по-прежнему изображая увлеченную читательницу.

– Вы меня не обманете.

Строго, властно и безапелляционно.

Мне оставалось лишь развернуться и встретить ее лицом к лицу.

Вида Винтер была не из тех, кто может легко затеряться в толпе. Это была внешность древней царицы, колдуньи или богини. Она, как на троне, восседала в кресле у камина, окруженная бархатными подушечками различных оттенков красного цвета. Прямую царственную осанку не могли скрыть даже свободные складки накинутой на ее плечи бирюзово-зеленой шали. Медно-красные волосы были уложены в замысловатую прическу – сочетание волнистых локонов, тугих завитков и колечек. Лицо с четким, как контурная карта, абрисом было покрыто слоем белой пудры, с которой смело контрастировала алая губная помада. Сложенные на коленях руки выставляли на обозрение коллекцию перстней с рубинами и изумрудами, меж которыми проглядывали белые костяшки пальцев; и только ногти, некрашенные и коротко остриженные (совсем как у меня), вносили элемент дисгармонии в этот помпезный образ.

Но самой неприятной, раздражающей деталью оказались солнцезащитные очки. Я не могла разглядеть ее глаза, но тотчас вспомнила их неестественный, нечеловечески зеленый цвет на рекламном плакате. Темные линзы очков, казалось, обладали мощностью прожектора – у меня возникло такое чувство, будто ее взгляд проникает сквозь мою кожу и подбирается к самым потаенным глубинам моей души.

Тогда я попыталась мысленно окружить себя защитным полем, оставив доступной для обозрения лишь нейтральную внешнюю оболочку.

Она, должно быть, удивилась, обнаружив мою непрозрачность (то есть свою неспособность видеть меня насквозь), но пришла в себя очень быстро – намного быстрее, чем это сделала я после первого потрясения при встрече.

– Очень хорошо, – произнесла она с язвительной улыбкой, адресуя ее скорее себе самой, чем мне. – Перейдем к делу. Как я поняла из вашего ответного письма, у вас есть кое-какие сомнения относительно предложенной мною работы.

– Да, собственно...

Она продолжила, словно не замечая моей попытки ответить:

– Я готова повысить вашу месячную ставку и размер финальной выплаты.

Я провела языком по сухим губам, подбирая подходящие выражения. Но прежде, чем я с этим справилась, черные очки-прожекторы прошлись по мне сверху вниз, чуть задержавшись на моей челке, темно-синем джемпере и простенькой юбке. На губах ее промелькнула жалостная улыбка. И снова мисс Винтер меня опередила, не позволив вступить в разговор.

– Насколько я понимаю, финансовый аспект вас не интересует, – сухо констатировала она. – Это весьма необычно. Мне случалось писать про людей, равнодушных к деньгам, но живьем подобного человека вижу впервые. – Она откинулась на подушки. – Отсюда я могу заключить, что камнем преткновения для вас является правда. Люди, неспособные наполнить свою жизнь здоровой любовью к деньгам, обычно страдают патологической тягой к таким вещам, как правда, честность и справедливость.

Она махнула рукой, отметая мое замечание еще до того, как я успела его озвучить.

– Вы боитесь приступить к работе над биографией в условиях, когда ваша авторская независимость находится под вопросом. Вы подозреваете, что я захочу перекроить содержание вашей книги на свой лад. Зная, что в прошлом я отказывалась сотрудничать с биографами, вы гадаете, почему я сейчас решила изменить своим принципам. А более всего, – заключила она, вновь окидывая меня темным взглядом сквозь стекла очков, – вы боитесь, что я буду вам лгать.

Я хотела возразить, но не нашлась, что сказать. В сущности, она была права.

– Вы не знаете, что на это ответить, ведь так? Вам неловко обвинять меня в намерении вас обмануть? Люди вообще не любят в глаза винить друг друга во лжи. Да сядьте же вы наконец!

Я опустилась на стул.

– Я не намерена вас ни в чем обвинять... – начала я осторожно и тут же была прервана очередной ее репликой:

– Только не пытайтесь быть вежливой! Что я на дух не выношу, так это вежливость.

Ее лоб наморщился, и дуга бровей поднялась над оправой очков; густые и черные, эти брови выглядели ненатуральными.

– Вежливость. Вот еще одна любимая добродетель убогих, если у таковых вообще могут быть добродетели. Что привлекательного в безобидности, хотела бы я знать? Разумеется, быть вежливым нетрудно – для этого не надо обладать какими-то особыми дарованиями. С другой стороны, вежливость является последним прибежищем тех, кто потерпел неудачу во всем остальном. Честолюбивого человека, выбравшего себе цель и имеющего силы для ее достижения, не должно заботить то, что думают о нем окружающие. Я не могу себе представить, чтобы Вагнер лишился сна, беспокоясь о чьих-то там оскорбленных чувствах. Он был гений, и этим все сказано.

Еще какое-то время она с неумолимой методичностью приводила один за другим примеры эгоизма великих людей, и ни единая складочка ее шали не шевельнулась в процессе этого перечисления. «Она похожа на монумент из стали», – подумала я.

Но вот ее импровизированная лекция подошла к концу.

– Вежливость – это свойство, которым я не обладаю сама и которое я не ценю в других, – заявила напоследок мисс Винтер. – Посему давайте оставим ее в стороне.

И она замолчала с видом удовлетворенного спорщика, за которым осталось последнее слово.

– Вы среди прочего упомянули о лжи, – сказала я. – Полагаю, *этот* предмет оставлять в стороне не следует.

– В каком смысле?

Сквозь темные линзы я смогла разглядеть движения ее ресниц. Они подрагивали, расходясь и смыкаясь вокруг глаз, подобно лапкам теребящего добычу паука.

– Только за последние два года вы поведали журналистам девятнадцать вариантов своей биографии. Это лишь те, что я смогла обнаружить при весьма поверхностном обзоре прессы. В общей сложности таких вариантов должно быть несколько сотен.

Она пожала плечами:

– Это моя профессия. Я рассказчица.

– А я биограф и привыкла работать с фактами.

Она тряхнула головой; локоны и завитки, совершив колебательное движение, вновь легли каждый на свое место.

– Но ведь это жуткая скука! Не хотела бы я быть биографом. Вы никогда не задумывались о том, что правда много выиграет, будучи изложена посредством историй?

– Только не таких историй, какие вы рассказывали до сих пор.

Чуть заметным движением головы мисс Винтер обозначила кивок.

– Мисс Ли, – произнесла она медленно и отдельно, – у меня были веские причины для того, чтобы скрывать свое прошлое за дымовой завесой фантазий. Но теперь эти причины уже утратили силу.

– Вы можете их назвать?

– Жизнь – это компост.

Я заморгала в растерянности.

– Вы находите мои слова странными, но так оно и есть на самом деле. Весь мой опыт, все события моей жизни, все знакомые мне люди, все мои воспоминания и мечты, все прочитанные мною книги – все это годами сваливалось в одну компостную кучу и постепенно перегнивало, превращаясь в темное жирное органическое вещество. Процесс разложения сделал это вещество однородным; из него уже не вычленишь отдельные компоненты. Иные люди называют это воображением, но я воспринимаю его как большую кучу компоста. Время от времени я беру какую-нибудь идею, помещаю ее в компост и жду. Идея питается темным веществом, некогда именовавшимся жизнью, берет из него энергию и начинает идти в рост. Пускает корни. Дает побеги. И так далее, пока в один прекрасный день из идеи не вырастает рассказ или роман.

Я кивнула, впечатленная образным сравнением.

– Читатели, – продолжила мисс Винтер, – жалкие глупцы. Они уверены, что каждое литературное произведение является автобиографическим. Это утверждение справедливо, однако совсем не в том смысле, как им представляется. Жизненный опыт автора должен хорошенько перегнить, чтобы стать питательной средой для произведения. Надо дать ему разложиться. Вот почему я не позволяю репортерам и биографам копаться в моем прошлом, вытаскивая на свет отдельные кусочки и консервируя их в виде текста. Чтобы писать книги, я должна сохранять нетронутым свое прошлое как удобрение для новых идей.

Я обдумала ее слова, прежде чем задать вопрос:

– Почему *теперь* вы изменили свое решение?

– Я уже стара. И больна. Объедините два этих факта, биограф, и что вы получите? Конец истории.

– Но почему вы сами не напишете эту книгу?

– Я поздно спохватилась. И потом, кто мне поверит? Я слишком долго морочила людям головы.

– И вы действительно хотите рассказать мне всю правду?

– Да, – сказала она, но я уловила колебание в ее голосе, хотя оно длилось лишь малую долю секунды.

– А почему вы выбрали *меня* на роль своего биографа?

Она выдержала паузу.

– Знаете, я задаю себе тот же самый вопрос на протяжении последней четверти часа.

Что вы за человек, мисс Ли?

Прежде чем ответить, я мысленно проверила надежность моей защитной маски.

– Я работаю в букинистической лавке. Написала несколько биографических очерков, но не как профессионал, а потому что мне это нравится. Думаю, вы наткнулись на мое имя, прочитав эссе о братьях Ландье.

– И это вся информация? Маловато, вы не находите? Если мы будем работать вместе, я должна иметь о вас более четкое представление. Я не намерена верить свои тайны человеку, о котором мне почти ничего не известно. Расскажите о себе подробнее. Какие книги вам нравятся? О чем вы мечтаете? Кого любите?

Эти вопросы привели меня в замешательство.

– Да ответьте же, ради бога! Как я могу поселить в своем доме абсолютно незнакомого мне человека? Как я буду работать с таким человеком? Это просто неразумно. Скажите, к примеру, вы верите в привидений?

Побуждаемая некой силой, не имеющей ничего общего со здравым смыслом, я рывком поднялась со стула.

– Что вы делаете? Куда вы собрались? Пойдите!

Шаг за шагом, стараясь не переходить на бег и прислушиваясь к ритмичному стуку своих каблучков по дощатому полу, я уходила прочь, тогда как она окликала меня голосом, в котором все явственнее проскальзывали панические нотки.

– Вернитесь! – звала она. – Я хочу рассказать вам историю, чудесную историю!

Я не замедлила шаг.

– Это история о доме с привидениями...

Я добралась до выхода из комнаты. Мои пальцы сомкнулись на дверной ручке.

– Это история о старинных книгах...

Я открыла дверь и уже собралась переступить порог, когда голосом, неожиданно охрипшим и как будто испуганным, она выкрикнула слова, заставившие меня замереть на месте.

– Это история о *близнецах*...

Когда эхо этих слов погасло под сводами комнаты, я не выдержала, обернулась и увидела ее затылок и дрожащие руки, когда она подносила их к своему лицу.

Помедлив, я сделала шаг в обратном направлении. Мисс Винтер это услышала, и ее голова повернулась, качнув медно-красными волосами.

Я была ошеломлена. Темные очки исчезли, и на меня призывно – чуть ли не с мольбой – взглянули ярко-зеленые и прозрачные, как стекло, но при том настоящие, живые глаза. Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга.

– Мисс Ли, прошу вас, присядьте, – сказала она наконец дрожащим голосом, лишь отдаленно похожим на голос прежней Виды Винтер.

Повинуясь все тому же неясному побуждению, я прошла обратно через комнату и села на стул.

– Ничего не могу обещать, – утомленно сказала я.

– А я не могу требовать от вас обещаний, – ответила она тихо.

Стало быть, перемирие.

– Почему вы выбрали меня? – спросила я снова и на сей раз дождалась ответа.

– Из-за той статьи о братьях Ландье. Вы много знаете о глубинных связях между близкими родственниками.

– И вы скажете мне правду?

– Я скажу вам правду.

Ответ был четким и недвусмысленным, но легкая дрожь в голосе выдавала ее неуверенность. Она собиралась сказать правду; на сей счет у меня сомнений не было. Она решилась на этот шаг. Возможно, она даже *хотела* сказать правду. Однако она сомневалась в том, что это у нее получится. Давая обещание, она старалась убедить не только меня, но и саму себя, но твердой уверенности в том, что она все-таки скажет правду, не было у нас обеих.

И тогда я выступила с предложением:

– Я задам вам три вопроса. Три вопроса, ответы на которые я могла бы проверить по официальным документам. Если проверка все подтвердит, я возьмусь за эту работу.

– Ага, правило трех... Магическое число. Три испытания, которые должен пройти принц, чтобы заполучить руку принцессы. Три желания, дарованные рыбаку говорящей рыбкой. Три медведя в сказке про Златовласку. Три поросенка и волк. Мисс Ли, если бы вы задали мне два вопроса или, скажем, четыре, я еще могла бы солгать, но три...

Я раскрыла свой блокнот и взялась за карандаш.

– Ваше настоящее имя?

Она судорожно сглотнула слюну.

– Вы уверены, что это правильный подход к делу? Я могла бы рассказать вам историю – очень хорошую историю, смею вас уверить. Возможно, *таким* путем нам будет проще приблизиться к цели...

Я отрицательно покачала головой.

– Скажите мне свое имя.

Рука с изумрудно-рубиновой коллекцией перстней слегка пошевелилась на ее колене; драгоценные камни сверкнули, преломляя свет каминного пламени.

– Меня зовут Вида Винтер. Я прошла все официальные процедуры, чтобы получить законное право именоваться таким образом. Но вы хотите знать имя, которое я носила прежде. Это... – Она сделала паузу, преодолевая свое внутреннее сопротивление, и затем произнесла имя подчеркнуто обыденным тоном, без малейшего нажима, словно это было какое-то иностранное слово, которое ей пришлось отыскивать в глубинах памяти: – Аделина Марч.

И тут же – как будто стремясь ликвидировать даже слабую вибрацию, оставленную в воздухе этим именем, – весьма раздраженно добавила:

– Надеюсь, вы не потребуете назвать дату рождения. В моем возрасте о таких вещах вспоминать не принято.

– Я могу обойтись и без даты, если вы сообщите мне место рождения.

Она поморщилась.

– Если вы позволите сказать это на *мой* манер, получится гораздо лучше.

– Мы с вами договорились: только факты, подтверждаемые документами.

Мисс Винтер поджала губы.

– Я думаю, вы можете найти документальные подтверждения того, что Аделина Марч родилась в Лондоне, в больнице Святого Варфоломея. Впрочем, я не могу *лично* поручиться за достоверность этой информации. Я человек незаурядный, но все же не до такой степени, чтобы помнить момент и обстоятельства своего рождения.

Я сделала запись в блокноте.

Теперь настал черед третьего вопроса. Никакой заготовки на сей счет у меня не было. Она не хотела говорить о своем возрасте, да мне не так уж и нужна была дата ее рождения. Исходя из времени публикации ее первой книги, можно было предположить, что ей не меньше семидесяти трех лет, а ее внешность, пусть даже измененная болезнью и косметикой, не позволяла дать ей больше восьмидесяти. В конце концов, располагая именем и местом рождения, я могла установить эту дату самостоятельно. Таким образом, ответы на два первых вопроса снабдили меня сведениями, достаточными для идентификации личности Аделины Марч. О чем же тогда спросить? Мне, конечно, хотелось услышать из уст мисс Винтер какую-нибудь историю, но, получив шанс использовать третий вопрос в качестве джокера, я не могла такой шанс упустить.

– Расскажите мне... – начала я медленно и осторожно. В волшебных сказках третье желание зачастую приводит к потере всего, что было обретено при исполнении двух предыдущих. – Расскажите мне о каком-нибудь событии вашей жизни, которое произошло до смены имени и упоминание о котором можно найти в документах.

Говоря так, я имела в виду призы за успехи в учебе, победы в спортивных состязаниях и прочие маленькие триумфы, обычно составляющие гордость родителей и фиксируемые для потомства.

В комнате повисла тишина. Мисс Винтер концентрировалась, погружалась в самое себя; живой человек странным образом исчезал прямо у меня на глазах, и я начала понимать, как она умудрилась оставаться незамеченной в первые минуты моего пребывания в библиотеке. Теперь я наблюдала лишь внешнюю оболочку. Гадать, что происходило у нее внутри, было бессмысленно.

А затем она явилась вновь.

– Знаете, почему мои книги пользуются таким успехом?

– По многим причинам, я полагаю.

– Это так. Но прежде всего потому, что они имеют завязку, развитие сюжета и финал, расположенные именно в такой последовательности. Разумеется, у всех историй есть завязка, развитие и финал, но они далеко не всегда следуют друг за другом по порядку. Правильный порядок – вот что важно. Вот за что читатели любят мои книги.

Она вздохнула, нервно теребя складки шали.

– Я отвечу на ваш вопрос. Я расскажу вам о событии, которое произошло еще до того, как я изменила имя и стала писательницей, и о котором сохранились документальные свидетельства. Это важнейшее, ключевое событие всей моей жизни. Однако я не рассчитывала поведать о нем так скоро. Теперь мне придется нарушить одно из собственных правил: я буду вынуждена рассказать вам окончание моей истории раньше, чем ее начало.

– *Окончание* вашей истории? Как такое возможно, если это случилось еще до написания вами первой книги?

– Да просто потому, что моя история – моя личная история – завершилась *до того*, как я начала писать книги. Сочинительство – это всего лишь способ убивать время, когда главное уже позади.

Я молча ждала продолжения. Она тяжело вздохнула с видом шахматиста, вынужденного пожертвовать ферзя ради спасения партии.

– Я предпочла бы не поднимать эту тему, но коль скоро я вам обещала... Правило трех – с этим ничего не поделаешь. Волшебник может умолять юного героя отказаться от третьего желания, зная, что оно приведет к катастрофе, но юнец все равно поступит по-своему, и волшебнику придется исполнить желание, ибо таковы правила. Вы попросили меня сказать правду о трех вещах, и я должна это сделать, следуя правилу трех. Но позвольте сначала попросить вас о встречном одолжении.

– Каким одолжением?

– Я хочу, чтобы впредь больше не было скачков с одного на другое по ходу повествования. С завтрашнего дня я буду рассказывать вам свою историю в правильном порядке: сначала завязка, потом развитие сюжета и только в самом конце – финал. Все должно быть на своем месте. Никаких отступлений. Никаких забеганий вперед. Никаких наводящих вопросов. И никаких попыток заглянуть хоть одним глазком на последнюю страницу.

– Договорились.

– Я тогда жила в Анджелфилде, – сказала она, избегая смотреть мне в лицо.

Ее голос дрогнул при упоминании этого места, а левая рука бессознательным движением начала поглаживать ладонь правой.

– Мне было шестнадцать.

И куда только подевалась ее обычная живость речи?

– Однажды случился пожар.

С мучительным усилием она выдавливала из себя слово за словом.

– Я потеряла все.

И вдруг с губ ее сорвался крик, который она попыталась, но не успела сдержать:

– О Эммелина!

Существуют культуры, в которых имя человека считается носителем его мистической силы, и посему оно должно быть известно только Богу, самому человеку и еще очень немногим избранным. Вслух произнеся имя – не важно, свое собственное или чье-то еще, – ты рискуешь вызвать беду. Данное имя, похоже, относилось к этой категории.

Мисс Винтер плотно сжала губы, но было уже поздно. Тело ее сотрясала дрожь.

И мне стало ясно, что отныне я накрепко связана с этой историей. Совершенно случайно я наткнулась на главную тайну, на самую суть того, о чем должна была написать в своей книге. Это была любовь. И потеря. Ибо что еще могло породить этот горестный вопль, как не воспоминание о тяжелой утрате? На мгновение мне удалось заглянуть за маску из косметики и экстравагантных нарядов, заглянуть в сердце мисс Винтер и в ее мысли. Одно лишь мгновение, но его мне хватило, чтобы угадать ее истинную сущность – да и как я могла не угадать, если эта сущность была также и моей собственной? Мы обе были близнецами-одиночками. Едва я это поняла, как незримые пути ее истории захватили меня, лишив свободы движений, и вслед за нервным возбуждением я испытала страх.

– Где я могу найти информацию об этом пожаре? – спросила я, стараясь не выдать голосом свое смятение чувств.

– В тамошней газете, «Банбери геральд».

Я кивнула и, сделав пометку, закрыла блокнот.

– Впрочем, есть еще одно свидетельство, которое я могу представить вам прямо сейчас, – сказала она.

Я вопросительно подняла брови.

– Подойдите ближе.

Встав со стула, я сделала шаг вперед и сократила дистанцию между нами наполовину.

Она медленно подняла правую руку, сжатую в кулак и на три четверти покрытую драгоценными камнями в различных по форме оправках, а затем повернула ее ко мне и раскрыла ладонь, словно хотела продемонстрировать какой-то спрятанный в руке сюрприз.

Но в руке ничего не было. Сюрпризом оказалась сама рука.

Я в жизни не видела ничего хотя бы отдаленно похожего на ее ладонь. Эти глубокие пурпурные борозды и белые рубцы не имели ничего общего с бледно-розовой поверхностью моих ладоней. Ее расплавленная огнем плоть по застыванию обрела совершенно иной вид, подобно тому как изменяется ландшафт, залитый раскаленной лавой после вулканического извержения. Ее пальцы не могли до конца распрямиться, будучи стянутыми рубцовой тканью в нечто вроде птичьей лапы. А в самом центре ладони – шрам внутри шрама, ожог на

ожоге – выделялся некий гротескный знак. Он был настолько глубоко вдавлен в плоть, что я, справляясь с внезапным приступом тошноты, подумала: что же случилось с костью, которая должна находиться в этом месте? Мисс Винтер держала кисть своей руки так, словно она была посторонним, неживым предметом, прикрепленным к ее запястью. Знак имел форму кольца с небольшим выступом в том месте, где на нормальной руке находится подушечка у основания большого пальца.

Позднее, вспоминая это зрелище в спокойной обстановке, я пришла к выводу, что ожог похож формой на букву «Q», но тогда я была слишком шокирована увиденным, чтобы ясно соображать, и потому знак показался мне чем-то абсолютно чужеродным, как буква из давно забытого и не поддающегося расшифровке алфавита, непонятным образом очутившаяся на странице с английским текстом.

Почувствовав сильное головокружение, я попятилась и осторожно села на свой стул.

– Извините, – донесся до меня ее голос. – Привыкнув к своим ужасам и уродствам, невольно забываешь, как они могут подействовать на других людей.

Понемногу я приходила в себя, темнота отступала от глаз.

Мисс Винтер сжала покалеченную руку в сверкающий перстнями кулак и опустила его на свое колено, накрыв сверху ладонью левой руки.

– Очень жаль, что вы не согласились послушать мою историю о привидении, мисс Ли.

– Я послушаю ее в другой раз.

На этом интервью закончилось.

Возвращаясь в свои апартаменты, я вспомнила о ранее полученном от нее письме. Самый корявый и неуклюжий почерк из всех мною виденных. Я посчитала виной тому болезнь, скорее всего артрит. Но теперь я все поняла. Будучи от природы правой, мисс Винтер с самого начала литературной карьеры писала свои шедевры левой рукой.

В моем кабинете висели зеленые бархатные портьеры, а стены были задрапированы золотистым узорчатым атласом. Несмотря на стоявшую здесь вязкую тишину, комната мне понравилась – прежде всего благодаря массивному письменному столу у окна и простому стулу с прямой спинкой, которые приятно разбавляли чересчур «смягченный» интерьер. Я зажгла настольную лампу и достала из сумки свои письменные принадлежности: пачку бумаги и двенадцать красных карандашей. Все они были новенькими, неочиненными – именно так я люблю начинать каждый новый проект. Последним предметом, извлеченным мною на свет, стала точильная машинка. Я закрепила ее винтами на краю стола, как слесарные тиски, а прямо под ней поместила мусорную корзину.

Затем, поддавшись внезапному порыву, я взобралась на стол и оттуда дотянулась до верхнего края портьера. Мои пальцы нащупали петли и державшие их крючки. Задача оказалась непростой для одного человека – длинная и тяжелая, в два слоя, портьера чуть не согнула меня в дугу, когда я переместила ее вес на свое плечо. Однако, провозившись несколько минут, я все же сняла одну за другой обе портьеры, свернула их и убрала в шкаф. Встав на середину комнаты, я удовлетворенно оглядела результат своих трудов.

Передо мной была обширная плоскость темного стекла, из-за которого на меня взирала моя полупрозрачная сестра-близнец. Ее мир во многом был схож с моим: за стеклом рисовались контуры письменного стола и мягкое кресло в круге света от настольной лампы. Но если мое кресло было красного цвета, то в ее мире оно было серым; у меня кресло упиралось ножками в цветастый индийский ковер на фоне золотистой стены, а у нее оно призрачно парило в темном пространстве, населенном некими смутными фигурами, которые как будто дышали, совершая чуть заметные колебательные движения.

Мы с ней одновременно приступили к обычному подготовительному ритуалу. Мы разделили писчую бумагу на несколько стопок и провели большим пальцем по обрзу каж-

дой стопки, беглым пролистыванием освежая страницы. Один за другим мы очинили карандаши, наблюдая за длинными витыми стружками, тянувшимися от машинки и исчезающими в мусорной корзине. Когда последний карандаш был заточен до булавочной остроты, мы не положили его на стол рядом с прочими, а оставили у себя в руке.

– Ну вот, – сказала я ей, – мы готовы к работе.

Она открыла рот и что-то сказала в ответ. Я ее не расслышала.

Я не владею техникой стенографии. В процессе интервью я лишь делала пометки в блокноте, рассчитывая на то, что буду записывать нашу беседу тотчас по ее завершении и эти ключевые слова помогут мне восстановить по памяти все сказанное. С первых же минут дело пошло на лад. Периодически сверяясь с блокнотом, я быстро заполняла колонку в центре страницы словами мисс Винтер, при этом вспоминая ее облик, ее интонации, ее характерные жесты. Вскоре я вообще перестала заглядывать в блокнот и писала под прямую диктовку Виды Винтер, чей голос теперь явственно звучал у меня в голове.

Я оставляла широкие поля, на левом из которых отмечала интонацию, выражение лица, жесты – все, что сопровождало и дополняло сказанное. Правое поле пока что было пустым. Оно предназначалось для комментариев, которые я буду делать позднее, перечитывая написанное.

Увлечшись, я не следила за временем и лишь однажды ненадолго прервалась, чтобы приготовить себе чашку какао. Впрочем, эта пауза ничуть не выбила меня из колеи: вернувшись к работе, я сразу ухватила нить и продолжила записи.

«Привыкнув к своим ужасам и уродствам, невольно забываешь, как они могут подействовать на других людей» – такова была последняя фраза, помещенная мною в средней колонке, а в примечании слева я описала ее жест: как она накрывает ладонью здоровой руки свою сжатую в кулак искалеченную кисть.

Я подвела двойную черту под написанным и потянулась, не вставая со стула. Моя призрачная сестра в оконном стекле также потянулась, а затем принялась затачивать карандаши, притупившиеся в процессе работы.

Она как раз широко зевала в тот момент, когда нечто странное начало твориться с ее лицом. На лбу у нее вздулся огромный волдырь, потом такие же отметины одна за другой возникли на щеке, под глазом, на носу, на губах. Появление пятен сопровождалось глухими звуками, которые учащались, перерастая в барабанную дробь; в считанные секунды лицо утратило знакомые черты, словно подверглось посмертному разложению.

Однако здесь потрудились не смерть. Это был просто дождь – тот самый давно назревавший ливень.

Я открыла окно и подставила ладонь под капли, а потом провела мокрой рукой по лицу. Меня слегка знобило. Пора было в постель.

Окно я оставила приоткрытым, чтобы лучше слышать звуки дождя, размеренно и мягко стучавшего по стеклу. Я слышала дождь, когда раздевалась и когда читала перед сном; я продолжала слышать его и во сне. Он сопровождал мои сновидения, как звуки не настроенного на волну радио, транслирующего эфирный шум, в котором едва можно различить глухое бормотание на чужих языках и обрывки незнакомых мелодий.

Мы приступаем...

В девять часов утра мисс Винтер послала за мной, и я уже знакомым путем отправилась в библиотеку.

При естественном освещении комната смотрелась совсем по-другому. Ставни были распахнуты, и свет свободно вливался внутрь через высокие окна. Сад, еще не высохший после ночного ливня, блестел в лучах утреннего солнца. Экзотические комнатные растения на подоконниках, казалось, тянулись листьями к своим суровым собратьям по ту сторону стекол, стойко сносившим капризы погоды, а тонкие рейки оконных рам представлялись ничуть не более прочными, нежели унизанные дождевыми каплями паутинные нити меж ветвями деревьев. В целом комната, визуально сократившаяся в размерах по сравнению с прошлым вечером, напоминала «книжный мираж», вдруг возникший на краю сырого и холодного сада.

По контрасту с дымчато-голубым небом и неярким солнцем мисс Винтер была вся жар и пламень – этаким тепличным цветком на фоне оголенных зимой растений севера. Сегодня она не надела темные очки, но зато ее глаза были густо подведены в стиле царицы Клеопатры и, как и вчера, обрамлены черными накладными ресницами. При свете дня я увидела то, что не смогла разглядеть накануне: вдоль безукоризненно четкого пробора мисс Винтер, у самых корней медно-красных волос, намечалась тонкая белая линия.

– Вы не забыли о нашей договоренности? – спросила она, когда я заняла свое место на стуле по другую сторону от камина. – Завязки, развития и финалы – все в правильном порядке. Никаких отступлений. Никаких забеганий вперед. Никаких вопросов.

Самочувствие мое было не очень. После сна в непривычной обстановке я пробудилась с ощущением глухо звучащей в голове монотонной мелодии.

– Начинайте с чего хотите, – сказала я.

– Я начну с начала. Хотя, разумеется, начало никогда не находится там, где мы рассчитываем его найти. Наша жизнь представляется нам настолько важной вещью, что мы полагаем свою историю начинающейся с момента рождения. Сначала не было ничего, а потом появился Я... Однако это не так. Человеческие жизни – это не отдельные нитки, которые можно выпутать от клубка и аккуратно разложить на ровной поверхности. Семья – это узорчатая паутина. Невозможно тронуть одну ее нить, не вызвав при этом вибрации всех остальных. Невозможно понять частицу без понимания целого... Моя история касается не только меня самой; это история Анджелфилда. Деревни Анджелфилд. Усадьбы Анджелфилд. Супругов Анджелфилд – Джорджа и Матильды; их детей – Чарли и Изабеллы; детей Изабеллы – Эммеины и Аделины. История их жизни, их радостей и страхов. И их семейного привидения. С привидениями также следует считаться, вы согласны, мисс Ли?

Она внимательно смотрела на меня. Я притворилась, что не замечаю ее взгляда.

– Рождение – это не настоящее начало. Наша жизнь с первых ее минут не является чем-то принадлежащим исключительно нам; в действительности это всего лишь продолжение чьей-то истории. Возьмем, к примеру, меня. Глядя на меня сейчас, вы можете вообразить, будто мое рождение было чем-то особенным, то есть сопровождалось чудесными знаменьями, визитами добрых фей-крестных, кознями злых колдуний и все такое прочее... Увы, ничего подобного не было. В сущности, я появилась на свет как побочная линия сюжета... Вы наверняка сейчас подумали: а откуда ей известна та часть истории, что предшествовала ее рождению? Из каких таких источников? Тогда ответьте мне: кто, по-вашему, является главным источником сведений в старинных усадьбах вроде Анджелфилда? Разумеется, слуги. И в первую голову Миссиз, как все ее называли. При этом нельзя сказать, что я узнала эту историю непосредственно из ее уст. Бывало, правда, и такое, когда за чисткой столового

серебра она предавалась воспоминаниям вслух, как будто забыв о моем присутствии. Хмуря брови, она ворчливо комментировала деревенские слухи и сплетни. Давние события и разговоры всплывали из глубин ее памяти, пока рассказ не затрагивал темы, явно не предназначенной для детских ушей – особенно для *моих*, и тогда она, спохватившись, обрывала фразу на полуслове и начинала с удвоенной энергией орудовать тряпкой, словно пыталась заодно стереть прошлое. Но тайны невозможно хранить в доме, где есть дети. Так или иначе, я по крупицам пополняла свой запас сведений. Когда Миссиз беседовала с садовником за чашкой чая, я отмечала внезапные паузы, прерывавшие вроде бы невинную болтовню, и пыталась угадать недосказанное. Украдкой я фиксировала все их многозначительные взгляды либо произнесенные с особой интонацией слова. А когда они думали, что их никто не слышит, и начинали говорить откровенно... что ж, *кое-кто* ухитрялся кое-что услышать. Вот такими путями я узнавала историю своей семьи. А спустя годы, когда Миссиз была уже не та, что прежде, когда возраст сделал ее более рассеянной и болтливой, я нашла в ее бессвязных речах подтверждение тому, о чем ранее только догадывалась. Вот эта история, дошедшая до меня посредством намеков, красноречивых пауз и обменов взглядами, – для вас я переведу ее на обычный язык.

Мисс Винтер прочистила горло, готовясь начать.

– Изабелла Анджелфилд была со странностями...

На этой фразе у нее сорвался голос.

Она настолько привыкла скрывать правду, что теперь при попытке ее озвучить столкнулась с трудностями чисто физиологического свойства. Вторая и третья попытки начать рассказ также провалились. Но в конце концов она с этим справилась, как справляется старый музыкант со своим инструментом после того, как годами не брал его в руки.

И она рассказала мне историю об Изабелле и Чарли.

* * *

Изабелла Анджелфилд была со странностями.

Когда она родилась, в округе бушевал ураган.

Невозможно сказать с уверенностью, были два этих факта каким-то образом связаны или нет, но когда четверть века спустя Изабелла во второй раз покинула родовое гнездо, деревенские жители вспомнили о небывалом ливне, пришедшемся в аккурат на день ее рождения. Рассказывали, что доктор опоздал к роженице, поскольку долину затопила вышедшая из берегов река. Кое-кто с очевидным знанием дела утверждал, что пуповина обмоталась вокруг шеи новорожденной и едва ее не задушила. В том, что роды были тяжелыми, сомневаться не приходилось; какие тут могут быть сомнения, если с шестым ударом часов, когда дитя уже появилось на свет, а доктор еще только звякал дверным колокольчиком у порога дома, бременное тело матери рассталось с жизнью, а ее душа переместилась в мир иной. Вот если бы погода была нормальной; если бы доктор явился вовремя; если бы пуповина в решающий момент не стянула шею ребенка, прервав доступ кислорода; если бы мать не скончалась...

Слишком много всяких «если». Подобные рассуждения бессмысленны. Случилось то, что случилось, и больше тут говорить не о чем.

Новорожденная, этот маленький сгусток истошного вопля, лишилась матери. Более того: на первых порах она фактически лишилась и отца, ибо Джордж Анджелфилд впал в прострацию. Он заперся в библиотеке и решительно отказывался выходить оттуда и общаться с людьми. Кому-то это может показаться чрезмерным, ибо десять лет пребывания в браке – срок вполне достаточный для того, чтобы притупить чувства, однако Джордж Анджелфилд тоже был со странностями, и этим все сказано. Он очень любил свою жену

– свою вздорную, ленивую, эгоистичную красавицу Матильду. Он любил ее больше, чем своих лошадей, и даже больше, чем свою собаку. Что до их девятилетнего сына Чарли, то Джордж никогда не задумывался о том, насколько сильно он его любит в сравнении с Матильдой. По правде говоря, он вообще никогда не задумывался о Чарли.

Безутешный, ополоумевший от горя вдовец целыми днями сидел в библиотеке, почти не притрагивался к еде и не принимал посетителей. Он проводил там и ночи, лежа на кушетке без сна и провожая воспаленным взором проплывающую за окном луну. Так продолжалось несколько месяцев. И прежде бледный с виду, он теперь стал похож на тень, страшно исхудал и совсем перестал разговаривать. К нему вызывали специалистов из Лондона, его навещал приходский священник, но все без толку. Его любимая собака чахла за отсутствием хозяйской любви и внимания; узнав, что она околела, Джордж Анджелфилд даже не повел бровью.

В конце концов Миссиз насытилась этим по горло. И вот однажды она взяла маленькую Изабеллу из колыбели в детской и спустилась с ней на первый этаж. Проигнорировав протесты дворецкого, стоявшего на часах у дверей библиотеки, она без стука вошла внутрь. Далее она двинулась через комнату прямо к письменному столу, за которым сидел Джордж Анджелфилд, и, не говоря ни слова, сунула ему в руки сверток с младенцем, после чего развернулась и вышла вон, хлопнув дверью.

Дворецкий хотел было войти вслед за ней, чтобы забрать ребенка, но Миссиз грозно подняла палец и прошипела: «Только попробуй!» Он так опешил, что подчинился. Прочие слуги столпились у дверей библиотеки, переглядываясь и не зная, что делать. В конечном счете они не сделали ничего, парализованные силой убеждения Миссиз и той уверенностью, с какой она действовала.

Дело уже шло к вечеру, когда одна из горничных вбежала в детскую с криком:

– Он вышел! Хозяин вышел!

Спокойно, не ускоряя шага, Миссиз спустилась по лестнице, дабы выяснить, что происходит.

К тому времени слуги уже несколько часов провели в холле, поочередно прикладывая уши к двери и заглядывая в замочную скважину. Первое время хозяин дома продолжал неподвижно сидеть за столом, с тупым недоумением взирая на свою дочь. Та шевелилась и издавала гукающие звуки. Когда же слуги услышали, как Джордж Анджелфилд причмокивает и гугукает ей в ответ, они обменялись изумленными взглядами. Изумление их возросло, когда из-за двери донесся голос хозяина, напевающего колыбельную. Но вот дитя погрузилось в сон, и наступила долгая тишина. Все это время отец, по словам слуг, не отрывал глаз от личика своей дочери. Потом она пробудилась и начала кричать от голода. С каждой секундой детский крик усиливался, пока дверь внезапно не распахнулась.

В проеме стоял мой дедушка со своей дочкой на руках.

При виде толпы слуг в холле он сверкнул глазами и прогремел:

– Вы что, хотите уморить ребенка голодом?

С того дня Джордж Анджелфилд взял на себя заботу о дочери. Он лично ее кормил, купал и пеленал; он распорядился перенести ее кроватку к себе спальню, чтобы убаюкивать ее, если она проснется и заплачет посреди ночи; он заказал специальную заплечную сумку, чтобы в ней вывозить дочь на верховые прогулки; он читал ей вслух (деловые письма, спортивные колонки в газетах и приключенческие романы), делился с ней своими мыслями и планами на будущее. Одним словом, он держался с ней так, будто Изабелла была его товарищем, взрослым и вполне сознательным, а не малым неразумным дитем.

Возможно, причиной столь сильной любви стала внешность девочки. Ее обделенный родительским вниманием брат Чарли, девятью годами старше Изабеллы, был сыном своего отца: вялый и неуклюжий мальчик с непропорционально большими ступнями, головой-мор-

ковкой и бледным лицом, на котором застыло туповато-отрешенное выражение. Изабелла же унаследовала черты обоих родителей. Ее изначально рыжие, как у отца и брата, волосы приобрели со временем красивый золотисто-каштановый оттенок. Типичная анджелфилдовская бледность не казалась нездоровой в сочетании с изящной фигурой, унаследованной от ее французских предков. Она взяла все лучшее и от отца, и от матери. У нее была отцовская линия подбородка и красиво очерченный материнский рот. Миндалевидный разрез глаз и длинные ресницы были точь-в-точь как у Матильды, но с поднятием век открывалась пронзительная изумрудная зелень – этот редкий цвет радужной оболочки был наследственным в роду Анджелфилдов. Словом, она была само совершенство; по крайней мере внешне.

Слуги понемногу приспособились к новому положению вещей. Не сговариваясь, они вели себя так, будто отец, сутками напролет нянчившийся со своей маленькой дочкой, был явлением вполне нормальным и естественным. Тот факт, что он постоянно держал ребенка при себе, ни в коем случае не следовало расценивать как нелепую прихоть, недостойную мужчины и джентльмена.

А что же Чарли, старший брат малютки? Это был мальчик отнюдь не семи пядей во лбу, чьи мысли со скрипом вращались вокруг немногих занимавших его тем и предметов, тогда как любые попытки привить ему новые идеи или полезные навыки неизменно завершались провалом. Свою сестренку он попросту не замечал, хотя перемены, которые внесло в жизнь усадьбы ее появление, пришлись ему по душе. Прежде у Чарли было двое родителей, которым Миссиз периодически докладывала о том или ином проступке мальчика, причем предугадать родительскую реакцию на эти сообщения не представлялось возможным. Его мама была сторонницей строгой дисциплины, однако не слишком твердо придерживалась собственных принципов: порой могла больно отшлепать, а порой ограничивалась шутивым замечанием. Папа всегда был с ним суров, но при этом рассеян и частенько забывал привести в исполнение вынесенный им же самим приговор. Всякий раз при виде мальчика у отца возникало смутное ощущение чего-то несделанного, какой-то неисправленной ошибки и он на всякий случай наказывал сына, рассудив, что если даже в данный момент он наказания и не заслуживает, то уж наверняка заслужит его в ближайшее время, так что несколько затрещин авансом не повредят. Это явилось для Чарли хорошим уроком, и он старался без необходимости не попадаться на глаза отцу.

С появлением Изабеллы все изменилось. Мамы не стало, а папа был слишком занят своей дочуркой, чтобы реагировать на истерические доклады прислуги о мышах, подброшенных на сковороду с жарящимся бифштексом, или о булавках, чьей-то коварной рукой запрятанных в куске мыла. Отныне Чарли был волен делать то, что ему нравится, а ему нравилось, например, тайком удалить верхнюю ступеньку на темной чердачной лестнице и понаблюдать за тем, как служанка кубарем катится вниз, в процессе падения получая синяки, шишки и растяжения связок.

Миссиз могла браниться сколько душе угодно, однако это была всего лишь Миссиз, и в наступившей прекрасной новой жизни он был волен пакостить в свое удовольствие, уже не опасаясь сурового возмездия. Тревожная непредсказуемость исчезла. Принято считать, что стабильное поведение взрослых по отношению к детям благотворно сказывается на духовном развитии последних, и данный случай не был исключением: стабильно игнорируемый отцом, полусирота Чарли Анджелфилд в тот период был свободен и счастлив, как птица в полете.

Преклонение Джорджа Анджелфилда перед своей дочерью благополучно преодолевало все испытания, какие может предложить родителю растущее дитя. Когда Изабелла начала говорить, он воспринял это как признак сверхъестественной одаренности и начал консультироваться с ней по самым разным вопросам, вследствие чего ведение домашнего хозяйства попало в зависимость от причуд и капризов трехлетней девочки.

Гости нечасто посещали усадьбу, и их визиты становились все более редкими по мере того, как положение дел в Анджелфилде переходило от стадии эксцентричного беспорядка к стадии полного хаоса. Дворецкий уволился, когда девочке исполнилось два года. Кухарка продержалась на год дольше, но затем и она подала в отставку, измученная необходимостью готовить еду в любое время суток по первому требованию хозяйской дочери. Вместе с кухаркой ушла ее помощница, и с той поры на Миссиз легло дополнительное бремя стряпни и устройства внеурочных трапез. Горничные перестали заниматься работой по дому, справедливо полагая, что их скромного жалованья едва хватает на компенсацию травм и желудочных расстройств, полученных в результате садистских экспериментов Чарли. Потом горничных заменили приходящие домработницы, но и они здесь долго не задерживались. Наконец и поденная прислуга перестала посещать этот дом.

К тому времени, когда Изабелле исполнилось пять лет, в усадьбе жили только Джордж Анджелфилд, двое его детей, Миссиз, садовник и егерь. Собака давно сдохла, а кошки из страха перед Чарли обитали вне дома, укрываясь от непогоды в сарайчике для садовых инструментов.

Если Джордж Анджелфилд и замечал изоляцию, в которой они оказались, то не выказывал на сей счет никаких сожалений. У него была Изабелла, и он был счастлив.

Кому более всех не доставало слуг, так это Чарли. В их лице он лишился подопытных кроликов. Озираясь вокруг в поисках новых объектов для издевательства, он наконец остановился на кандидатуре сестры, что рано или поздно должно было произойти.

Однако он не мог доводить ее до слез в присутствии отца, а поскольку тот почти всегда был рядом с ней, у Чарли возникли затруднения. Как изъять дочь из-под отцовской опеки?

Требовалась приманка. Таковой послужили туманные обещания раскрыть некую страшную тайну, с помощью которых Чарли увел Изабеллу из дома черным ходом и – по дорожке между клумбами, через сад и далее по буковой аллее – завлек в соседний лес. Чарли бывал здесь и раньше. Убогая заброшенная лачуга без окон, с сырыми полусгнившими стенами – чем не место для хранения страшных тайн?

Теперь у Чарли имелась жертва. Сестренка, шагавшая вслед за ним, была младше и гораздо слабее его, идеально подходя на эту роль. Но Изабелла была со странностями, себе на уме, и в результате все вышло не совсем так, как он планировал.

Чарли закатал рукав сестры, извлек из кармана кусок ржавой проволоки и острым концом провел по белой коже на ее предплечье. Она уставилась на капельки крови, набухавшие вдоль багровой линии пореза, а затем подняла глаза на брата. В этих зеленых глазах сквозило удивление и – как ни странно – что-то похожее на удовольствие. Она протянула руку за проволокой, и он машинально ей уступил. Она закатала свой второй рукав, проткнула кожу и с нажимом провела острием от локтя до самой кисти. Этот порез был глубже, чем тот, что сделал Чарли; кровь потекла тонкой струйкой и закапала на землю. Она вздохнула с удовлетворением и принялась слизывать кровь с обеих рук. Затем она вернула проволоку Чарли и начала закатывать его рукав.

Чарли оторопел. Однако он послушно нанес себе порез и засмеялся, преодолевая боль. Так вместо жертвы он обрел сообщницу.

Жизнь Анджелфилдов протекала в стороне от сельских балов и охотничьих забав, без прислуги и без множества других вещей, которые в те времена считались само собой разумеющимися для людей их круга. Они не общались с соседями, передали уход за своими землями в ведение арендаторов и полностью зависели от добросовестности Миссиз и садовника, через посредство которых осуществлялись все необходимые закупки и поддерживалась связь с окружающим миром.

Джордж Анджелфилд напрочь забыл о существовании этого самого мира, и на какое-то время мир также забыл о Джордже Анджелфилде. Но внезапно о нем вспомнили. Дело, собственно, было в деньгах.

В тех краях имелись и другие крупные поместья, в которых обитали более или менее аристократические семейства. Один из таких соседей-помещиков слыл большим докой в финансовых вопросах. Он действовал с мудрой расчетливостью, прислушивался к ценным советам и вкладывал крупные суммы в надежные проекты, а мелкими суммами рисковал в спекулятивных операциях, где вероятность неудачи была высока, но зато в случае успеха можно было рассчитывать на солидную прибыль. В конечном счете крупные суммы он потерял безвозвратно, а с мелких получил кое-какой доход, но это было слабым утешением. Помещик оказался на грани разорения. Вдобавок ко всем неудачам он имел сына – бездельника и мота, а также дочь – пучеглазую и толстоногую девицу на выданье. Нужно было срочно что-то предпринять.

Джордж Анджелфилд ни с кем не общался, и, соответственно, никто не давал ему ценных советов. Когда его юрист присылал рекомендации по вложению капитала, он их игнорировал, а письма из банка он оставлял без ответа. Как следствие, деньги Анджелфилда, вместо того чтобы расходоваться на всякие надежные проекты и смелые операции, бездарно пылились в банковском сейфе и потихоньку обрастали процентами.

Деньги не безмолвствуют. Потихоньку слух о капитале Анджелфилда просочился в окружающий мир.

– У Джорджа Анджелфилда, кажется, есть сын? – спросила как-то раз у близкого к банкротству помещика его супруга. – Сколько ему сейчас? Двадцать шесть?

«А если не жених для нашей Сибиллы, то почему не невеста для Роланда? – подумала сия достойная дама. – Девчонка уже, наверное, достигла брачного возраста. Отец, по слухам, души в ней не чаёт: стало быть, не покусится на приданое».

– Нынче прекрасная погода для пикника, – сказала она вслух.

Ее достойный супруг, как это часто бывает с мужьями, не углядел в последнем замечании логической связи с предыдущими вопросами.

Приглашение две недели провалялось на подоконнике в гостиной и могло оставаться там до тех пор, пока лучи солнца не обесцветят чернила на конверте, если бы не Изабелла. Однажды в середине дня она, не зная, чем себя занять, спустилась на первый этаж, скучливо надула щеки и, заметив на подоконнике письмо, взяла его и тут же вскрыла.

– Что там такое? – спросил Чарли.

– Приглашение, – сказала она. – На пикник.

«Пикник?» – озадаченно подумал Чарли. Это было странно. Но он не стал углубляться в размышления, пожал плечами и тут же забыл о письме.

Изабелла встала и направилась к двери.

– Ты куда?

– В свою комнату.

Чарли двинулся было следом, но она его остановила.

– Отстань, я сейчас не в настроении, – сказала она.

Он обиженно засопел, взял в горсть ее волосы и провел пальцем по следам кровоподтеков, которые он недавно оставил на задней части ее шеи. Однако она вывернулась, взбежала наверх и заперлась в своей комнате.

Час спустя, услышав ее шаги на лестнице, он подошел к двери.

– Пойдем в библиотеку, – предложил он.

– Нет.

– Ну тогда пойдем в парк.

– Нет.

Только сейчас он заметил, что она переоделась.

– С чего ты вырядилась, как идиотка? – спросил он.

На ней было летнее платье из тонкой белой материи с изумрудно-зеленой отделкой, некогда принадлежавшее ее матери. На ногах вместо обычных теннисных туфель красовались зеленые атласные босоножки (тоже материнские), которые были ей велики, а в волосы она вплела цветок. Кроме того, она подкрасила губы.

Чарли помрачнел.

– Куда это ты собралась? – поинтересовался он.

– На пикник.

Он крепко схватил сестру за руку и потянул ее к двери библиотеки.

– Нет!

Он потянул сильнее.

– Чарли, я сказала «нет»! – прошипела она.

Он разжал пальцы. Он знал, что, когда она вот так говорит «нет», это действительно означает отказ. У него уже были возможности в этом убедиться. Такое вот дурное настроение могло не оставлять ее несколько дней подряд.

Она повернулась к нему спиной и вышла из дому.

В ярости Чарли огляделся по сторонам, ища, что бы такое разбить или сломать. Однако он давно уже переломал здесь все, что только было можно. От попыток повредить оставшиеся предметы могли больше пострадать его руки, чем сами эти предметы. Он разжал кулаки, вышел из дому и вслед за Изабеллой отправился на пикник.

Компания молодежи в летних платьях и белых рубашках, собравшаяся на берегу озера, при взгляде со стороны являла собой идиллическую картину. Наполненные бокалы в их руках искрились на солнце, а трава под их ногами казалась шелковисто-мягкой, словно приглашая пройтись по ней босиком. На самом же деле участники пикника изнемогали от жары в своей потной, прилипшей к телам одежде, шампанское было теплым, а если бы кому-то из них и пришла в голову мысль гулять по траве босиком, он сильно рисковал испачкать ступни гусиным пометом. Тем не менее они старательно симулировали веселое оживление в надежде на то, что это притворство каким-то образом трансформируется в реальность.

Молодой человек, стоявший на краю группы, случайно заметил движение в стороне, у ближайшего к ним дома. Не по моде одетая девушка в сопровождении какого-то пенька о двух ногах. Пенек он и есть пенек, что о нем еще скажешь, но вот девушка – это было нечто особенное.

Молодой человек не ответил на шутку товарища; тот проследил за его взглядом и в свою очередь замолчал. Три или четыре девицы, никогда не упускающие из виду молодых людей, даже если те находятся у них за спинами, обернулись, чтобы узнать причину возникшей паузы. Далее сработал «эффект домино»: участники пикника один за другим поворачивали головы в сторону пришельцев и, увидев их, лишались дара речи.

Через лужайку к ним шла Изабелла.

Она приблизилась, и компания расступилась перед ней, как море перед Моисеем⁸. Она прошла напрямик к берегу озера и шагнула на выступающий из воды плоский валун. Кто-то протянул ей бокал с вином; движением руки она отвергла подношение. День был жаркий, идти пришлось издалека, и ей требовалось нечто посерьезнее шампанского, чтобы охладиться.

---

⁸ Намек на библейское сказание об исходе евреев из Египта, когда Красное море расступилось перед ведомыми Моисеем беглецами (Исход, 14).

Она сняла босоножки, повесила их на ветку дерева и, широко раскинув руки, плашмя упала в озеро.

Присутствующие дружно ахнули. Когда же она встала на ноги и вода заструилась с облегшего ее формы платья под стать классическому «Рождению Венеры»⁹, общий вздох изумления повторился.

Этот бросок в озеро также будут вспоминать позднее, когда она во второй раз покинет дом. Вспоминая, люди будут качать головами с осуждением и жалостью. Эта девчонка с самого начала была не в себе. Однако в тот день ее выходку расценили как проявление раскованности и истинной веселости, за что все были ей признательны. Изабелла с ходу вдохнула жизнь в их унылое времяпрепровождение.

Самый решительный из молодых людей – обладатель очень светлых волос и очень громкого смеха – скинул туфли, стянул с шеи галстук и тоже прыгнул в озеро. За ним последовали трое его приятелей, а вскоре уже все молодые люди были в воде, ныряли, брызгались, вопили и старались превзойти друг друга в дурачествах.

Девицы быстро сообразили, что у них не остается выбора. Посему они повесили на сучки сандалеты, придали своим лицам соответствующее случаю бесшабашное выражение и кинулись в озеро, при этом стараясь по возможности не намочить прически.

Они отчаянно взвизгивали, давая понять, что нуждаются в помощи кавалеров, но все было напрасно – кавалеры сосредоточили свое внимание на Изабелле.

Чарли не прыгнул в озеро вслед за сестрой. Он стоял чуть в стороне и наблюдал за происходящим. При его рыжих волосах и мертвенно-бледной коже он был человеком, которому больше подходят прогулки под дождем или комнатные занятия. А сейчас лицо его обгорело под солнцем, а глаза саднило от стекавшего со лба едкого пота. При всем том Чарли почти не мигал. Он был не в силах оторвать взгляд от Изабеллы.

Сколько часов прошло до того момента, когда он вновь обнаружил ее рядом с собой? Ему этот период показался вечностью. Пикник, оживленный присутствием Изабеллы, продолжался гораздо дольше, чем кто-либо мог ожидать, но для большинства из присутствующих время пролетело стремительно, и многие из гостей были бы рады гулять до утра. При расставании они утешались мыслями о грядущих пикниках, скрепляя договоренности влажными поцелуями.

Когда Чарли наконец приблизился к Изабелле, ее плечи покрывал пиджак одного из молодых людей; хозяин пиджака находился тут же, весь во власти очаровательницы. Неподалеку маячила одна из девиц, не уверенная в том, насколько уместно ее присутствие. Пухлая и широкобедрая, она чертами простоватого лица так походила на молодого человека, что в них с первого взгляда можно было признать брата и сестру.

– Пойдем домой, – раздраженно сказал Чарли Изабелле.

– Так скоро? Я думаю, мы можем еще немного прогуляться с Роландом и Сибиллой. – Она улыбнулась Сибилле, и та, удивленная этим внезапным проявлением любезности, ответила ей улыбкой.

В другой ситуации Чарли мог бы не церемониться с Изабеллой и настоять на своем, применив грубую силу, но в присутствии посторонних он на это не решился и молча последовал за ними.

Что произошло во время этой лесной прогулки? Свидетелей тому не было, а за отсутствием свидетелей не было и сплетен. По крайней мере, сначала. Однако для того, чтобы представить себе развитие событий в тот вечер, вовсе не нужно быть гением дедукции.

Все могло происходить следующим образом.

---

⁹ Сюжет многих картин, начиная с античной эпохи; среди самых известных – полотно С. Боттичелли (ок. 1484) и Тициана (ок. 1525).

Изабелла легко нашла предлог, чтобы на время избавиться от мужчин.

– Мои туфли! Я оставила их висеть на дереве!

И она отправила Роланда к берегу озера, а чуть погодя за ним последовал и Чарли – на поиски платка Сибиллы или чего-нибудь еще.

В ожидании их девушки пристроились на траве под деревом. Начало смеркаться, нагретая солнцем земля остывала, лес потихоньку готовился к ночи. Прилив бодрости после выпитого шампанского сменился полусонным оцепенением; тепло их тел высушивало мокрую одежду, которая, отлипая от кожи, вызывала легкий зуд.

Изабелла хорошо знала, чего она хочет: остаться наедине с Роландом. Но для этого ей нужно было избавиться от своего брата.

Она заговорила, прислонившись спиной к древесному стволу рядом с Сибиллой.

– Кто из этих парней твой кавалер?

– У меня нет кавалера, – призналась Сибилла.

– Тогда тебе нужно им обзавестись.

Изабелла потянулась в сторону, сорвала похожую на птичье перо веточку папоротника и провела ею по своим губам. Затем она проделала тот же нехитрый фокус с губами соседки.

– Щекотно, – пробормотала Сибилла.

Изабелла сделала это еще раз. Сибилла улыбнулась, прикрыв глаза, и не воспротивилась, когда Изабелла провела веточкой по ее шее и ниже, вдоль выреза платья, чуть задержавшись на округлостях груди. Сибилла сдавленно хихикнула.

Когда веточка спустилась к ее талии, Сибилла открыла глаза.

– Почему ты остановилась? – спросила она жалобно.

– Я не останавливалась. Просто ты не чувствуешь прикосновение сквозь одежду.

Она задрала подол платья Сибиллы и прошлась веточкой по ее ногам.

– Так лучше?

Сибилла вновь закрыла глаза.

Двигаясь вдоль толстоватых лодыжек, листья быстро добрались до коленей. Глухой мурлыкающий звук слетел с губ Сибиллы, но она не шевельнулась, пока листья не достигли самого верха ее ног, и издала лишь слабый вздох, когда веточку сменили нежные пальцы Изабеллы.

Она внимательно наблюдала за лицом Сибиллы и, заметив, что ее веки начинают возбужденно трепетать, в тот же момент убрала руку.

– Тебе давно пора завести себе кавалера, – сказала она самым будничным тоном.

Сибилла, лишь самую малость не доведенная до экстаза, как будто не очень хорошо ее поняла.

– Это та же щекотка, – была вынуждена пояснить Изабелла. – Но с кавалером оно гораздо приятнее.

И когда Сибилла спросила свою новую подругу: «Откуда ты знаешь?» – у Изабеллы уже был наготове ответ из одного слова: «Чарли».

К тому моменту, когда молодые люди вернулись с туфлями и платком, Изабелла достигла поставленной цели. Сибилла, чья одежда пребывала в довольно живописном беспорядке, взглянула на Чарли с выражением живейшего интереса.

Чарли, впрочем, этого не заметил, поскольку смотрел на Изабеллу.

– Ты не находишь, что у Изабеллы и Сибиллы очень много общего? – спросила Изабелла как бы между прочим и тут же продолжила в ответ на недоуменный взгляд Чарли: – Я говорю об именах. Они звучат очень похоже, разве не так? – Она пристально посмотрела на брата, дабы тот уловил намек. – Мы с Роландом пройдемся по лесу, но Сибилла слишком устала. Ты должен остаться с ней.

Изабелла взяла Роланда под руку. Чарли мрачно уставился на Сибиллу и только сейчас заметил беспорядок в ее одежде. Она смотрела на него в упор, чуть приоткрыв рот.

Когда он обернулся к Изабелле, той уже не было, и только ее смех донесся из темноты – ее смех и низкий рокот голоса Роланда. Ладно, он свое возьмет. Чуть попозже. Она еще не раз поплатится за эти шутки.

А сейчас ему срочно нужна была жертва, чтобы дать выход своим чувствам.

И он снова повернулся к Сибилле.

То лето было заполнено пикниками. Для Чарли оно вдобавок было заполнено сибиллами. Однако для Изабеллы существовал только один Роланд. День за днем она ускользала от Чарли и отправлялась куда-то на велосипеде. Чарли так и не удалось выяснить, где встречается эта парочка, – ему было не угнаться за сестрой, когда та летела прочь в сверкании велосипедных спиц, а длинные волосы дразняще развевались у нее за спиной. Иногда она возвращалась уже затемно, а порой гуляла всю ночь напролет. Когда Чарли раздражался брабню, она отвечала ему смехом, а то и просто отворачивалась, словно его тут не было. Он пытался применить силу, нанести ей травму и даже изувечить, но всякий раз она, как вода, проскальзывала меж его пальцев, и он наконец-то начал понимать, насколько их прежние игры зависели от ее желания и готовности в них участвовать. Его сила не могла тягаться с ее ловкостью и умом. Он был беспомощен, как боров, подвергшийся нападению пчел.

Иногда она все же внимала мольбам Чарли и на час-другой предоставляла себя в его распоряжение, создавая иллюзию, будто их отношения возвращаются на круги своя. Но это была именно иллюзия, в чем он скоро убеждался; а ее исчезновения, возобновлявшиеся после таких «интерлюдий», заставляли его страдать еще сильнее.

Эти страдания лишь ненадолго заглушались его утехами с какой-нибудь сибиллой. Первую из них ему подсунула сестра, но по мере того, как она все больше увлекалась Роландом, Чарли начал заводить связи самостоятельно. Однако он не обладал способностью Изабеллы устраивать свои дела втайне от всех; после одной из его выходов мог разразиться скандал на всю округу, и тогда Изабелла сердито сказала ему, что, если он намерен продолжать в том же духе, ему следует переключиться на женщин иного круга. И он послушно перешел от наследниц аристократов к дочерям фермеров, лесников и ветеринаров. Сам он не почувствовал особой разницы, но местное общественное мнение заметно успокоилось.

Сколь бы частыми ни были эти периоды забывтья, проходили они моментально. Ужас в глазах, синяки на теле и окровавленные бедра девиц исчезали из его памяти сразу же, как только он отводил от них взгляд. Ничто не могло избавить Чарли от главного чувства всей его жизни: страсти к Изабелле.

И вот как-то утром на исходе лета Изабелла пролистала чистые страницы в своей записной книжке-календаре и подсчитала дни, а потом с задумчивым видом убрала книжку в ящик стола. Приняв решение, она спустилась на первый этаж и вошла в отцовский кабинет.

Отец поднял голову:

– Изабелла!

Он был рад ее видеть. С тех пор как дочь стала много времени проводить вне усадьбы, он был особенно признателен ей за каждый такой визит.

– Милый папа! – сказала она с улыбкой.

Он почувствовал в ней какую-то перемену и насторожился.

– Мне кажется, ты что-то затеваешь. Я не ошибся?

Она направила взгляд в дальний угол комнаты и снова улыбнулась. Затем, все так же глядя в пустой угол, объявила отцу о своем отъезде.

Он не сразу понял, о чем она говорит. А поняв, ощутил тяжелые удары пульса в висках; взор его застлала пелена. Он прикрыл глаза, но в голове продолжали извергаться вулканы и взрываться падающие метеориты. Когда эти катаклизмы утихли и его внутренний мир обратился в голую и молчаливую пустыню, он открыл глаза.

Что он наделал?!

В руке его был зажат локон волос с окровавленным кусочком скальпа на одном конце. Изабелла стояла, прижавшись спиной к двери. Под одним из ее прекрасных зеленых глаз наливался синяк, щека покраснела и вздулась. Струйка крови стекала от корней волос на бровь и по ней огибала глазницу.

Отец пришел в ужас от себя самого и от вида дочери. Не в силах издать звук, он отвернулся, и она так же безмолвно покинула комнату.

Потом он просидел несколько часов, вертя в руках золотисто-каштановый локон, все туже и туже накручивая его на палец, пока он, свившись в подобие шнурка, не впился глубоко под кожу. Боль от поврежденного пальца очень медленно доходила до его сознания, и когда это все же произошло, он разрыдался.

Чарли в тот день отсутствовал; он вернулся только к полуночи. Найдя комнату Изабеллы пустой, он начал бродить по дому, каким-то шестым чувством угадывая, что произошло несчастье. Нигде не обнаружив сестры, он наконец зашел в кабинет отца. Один только взгляд на этого человека с посеревшим лицом сказал ему все. Отец и сын несколько мгновений молча смотрели друг на друга, но даже общее горе их не объединило. Никто из них не мог помочь другому.

У себя в комнате Чарли сел в кресло у окна и провел в нем остаток ночи – застывший силуэт в прямоугольнике лунного света. Лишь однажды он приподнялся, чтобы извлечь из ящика стола пистолет, добытый им посредством банального вымогательства у местного браконьера. Два или три раза он подносил дуло пистолета к своему виску, но после паузы оружие медленно опускалось ему на колени.

В четыре часа утра он отложил пистолет и вместо него взял длинную штопальную иглу, давным-давно – лет десять назад – украденную им у Миссиз и с той поры не раз побывавшую в деле. Он закатал штанину, спустил носок и пунктиром обозначил на коже ноги очередную надпись. Плечи его вздрагивали, но рука двигалась твердо, когда он по пунктиру выцарапывал на кости голени слово «Изабелла».

А Изабелла к тому времени была уже далеко. Из отцовского кабинета она прошла в свою комнату, задержалась там на несколько минут и после спустилась на кухню. Здесь она неожиданно крепко – что за ней прежде не водилось – обняла Миссиз, а затем выскользнула через заднюю дверь и садовой тропой направилась к калитке в каменной ограде усадьбы. Зрение Миссиз к тому времени уже сильно сдало, но она научилась угадывать движения людей по едва уловимой вибрации воздуха. И она почувствовала секундное колебание, крохотную паузу в движениях Изабеллы, прежде чем та закрыла калитку с противоположной стороны.

Когда Джордж Анджелфилд удостоверился, что Изабелла ушла, он заперся в своем кабинете, не принимая пищу и посетителей. Из последних объявлялись только священник и доктор, получившие от ворот поворот. «Скажи своему Богу, пусть катится ко всем чертям!» и «Дайте же раненой твари спокойно издохнуть!» – таковы были полученные ими краткие отповеди.

Несколько дней спустя эти двое вернулись и приказали садовнику взломать дверь кабинета. Джордж Анджелфилд был мертв. Обследование трупа показало, что причиной смерти стало заражение крови, которое распространилось от врезавшейся глубоко в кожу безымянного пальца пряди человеческих волос.

Чарли не умер, хотя и сам не понимал почему. Он часами бесцельно блуждал по дому. Он оставил дорожку следов на пыльных полах и ежедневно следовал по ней, начиная с верхнего этажа, из комнат в мансарде, уже много лет пустовавших, и далее в такой последовательности: комнаты прислуги, спальни членов семьи, кабинет, библиотека, музыкальный зал, гостиная, кухня. Это был бесконечный, беспокойный и безнадежный поиск. А по ночам он выходил из дому и шатался по усадьбе; ноги неумоимо несли его вперед и вперед, а пальцы в кармане все время теребили иголку, когда-то похищенную у Миссиз. Кончики его пальцев превратились в кровавое месиво. Он страшно тосковал по Изабелле.

Таким вот манером Чарли прожил сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь и февраль, а в начале марта Изабелла вернулась.

Чарли находился на кухне, шагая по дорожке собственных следов, когда с улицы донесся звук подъезжающего автомобиля. С мрачным видом Чарли приблизился к окну. Ему не нужны были визитеры.

Но вот из кабины выбралась знакомая фигура – и сердце его замерло.

Мгновения спустя он был уже у двери, на крыльце, рядом с машиной, где перед ним стояла Изабелла!

Он смотрел на нее в изумлении.

Изабелла засмеялась.

– Вот, держи это, – сказала она, протягивая ему увесистый, плотно запакованный сверток. – И еще это. – Он покорно принял второй такой же сверток, взятый ею с заднего сиденья. – А теперь мне больше всего нужна добрая порция бренди.

Ошеломленный Чарли проследовал за ней в кабинет, где она первым делом извлекла из серванта бутылку и пару стаканов. Налив себе очень добрую порцию, она выпила ее залпом и наполнила уже оба стакана, один из которых предназначался для брата. А он все стоял, парализованный и безмолвный, держа в руках два матерчатых свертка. Вновь прозвучал смех Изабеллы, отдававшийся у него в ушах гулким звоном церковных колоколов. Он повертел головой; из глаз хлынули слезы.

– Положи их куда-нибудь, – скомандовала Изабелла. – У меня готов тост.

Он взял стакан и уловил исходящий из него спиртной дух.

– За будущее!

Чарли осушил стакан одним глотком и закашлялся – он не имел привычки к крепким напиткам.

– Ты ведь их еще не разглядел? – спросила она.

Его лицо выразило недоумение.

– Смотри.

Изабелла повернулась к сверткам, которые он оставил на письменном столе, и распаковала их один за другим, а затем отступила в сторону, открывая ему обзор.

Он медленно повернул голову. В свертках оказались младенцы. Близнецы. Он стоял и смотрел, смутно догадываясь, что от него ожидают какой-то реакции, но будучи не в состоянии что-нибудь сказать или сделать.

– Ох, Чарли, да проснись же ты, ради бога!

Сестра взяла его за руки и в дикой пляске завертела по комнате.

Как ни странно, головокружение от танца пошло ему на пользу, внеся хоть какую-то упорядоченность в сумбур его мыслей. Наконец Изабелла остановилась, приложила ладони к его щекам и сказала:

– Роланд умер, Чарли. Остались только мы – ты и я. Понимаешь?

Он кивнул.

– Хорошо. А теперь скажи мне, где папа?

Когда он сказал, у нее началась истерика. На крики явилась Миссиз, которая отвела Изабеллу в ее комнату, уложила в постель и, дождавшись, когда она утихнет, спросила:

- Дети – как их зовут?
- Марч, – сказала Изабелла.

Но Миссиз интересовала не фамилия – ее она знала и так. Весть о замужестве Изабеллы дошла до нее несколько месяцев назад, как и весть о рождении детей (ей не было нужды подсчитывать месяцы на пальцах, однако она это сделала, задумчиво поджав губы). Пару недель назад она узнала о смерти Роланда от воспаления легких. Она также знала, что старые мистер и миссис Марч, подавленные смертью их единственного сына и возмущенные безразличием, с каким восприняла эту трагедию их невестка, стали чуждаться Изабеллы и ее детей, предпочитая тихо горевать вдвоем.

- Я спрашиваю об именах, данных при крещении.
- Аделина и Эммелина, – сонно произнесла Изабелла.
- А как ты их различаешь?

Но юная вдова уже погрузилась в сон. И пока она спала в своей старой постели, эскапада с замужеством начисто изгладилась из ее памяти. Утром она пробудилась с ощущением, что никакой свадьбы не было, а дети представились ей не собственной плотью и кровью – материнский инстинкт ей был абсолютно неведом, – а чем-то вроде духов или призраков, поселившихся в этом доме.

Младенцы были на кухне и еще спали. Над их гладкими бледными личиками склонились, беседа шепотом, Миссиз и садовник.

- Кто из них кто? – спросил садовник.
- Не знаю.

Стоя по бокам старой детской кровати, они разглядывали двойняшек. Четыре полукружия ресниц, два одинаковых ротика, два покрытых пухом маленьких черепа. Но вот у одной из девочек вздрогнули веки, а затем приоткрылся глаз. Садовник и Миссиз затаили дыхание. Но глаз тут же закрылся, и дитя снова погрузилось в сон.

- Вот эта будет Аделиной, – сказала Миссиз.

Она достала из шкафчика полосатое кухонное полотенце, отрезала от него две полоски и повязала их на запястья девочкам – красную полоску беспокойной близняшке, и белую той, что безмятежно спала.

Экономка и садовник еще долго стояли и смотрели, каждый положив руку на свой край кровати. Наконец Миссиз повернула к садовнику умиленное, посветлевшее лицо и произнесла:

- Двое детей, кто бы мог подумать, Копун? В нашем-то возрасте!

Он перевел взгляд с младенцев на женщину и заметил слезы, затуманившие ее круглые карие глаза.

Грубая длань садовника простерлась над кроватью. Экономка поспешно смахнула с лица выражение глупого восторга и с улыбкой вложила в его ладонь свою маленькую руку. Эта рука была влажной от слез.

А под аркой их рукопожатия, под неверным прицелом двух пар стариковских глаз мирно посапывали сестры-близнецы.

* * *

Было уже очень поздно, когда я покончила с записью этой истории. За окном стояла тьма, весь дом был погружен в сон. Всю вторую половину дня и часть ночи я провела за письменным столом, пока моя память фразу за фразой восстанавливала рассказ мисс Винтер, а мой карандаш выводил строку за строкой под эту диктовку. Страницы в их средней части

были заполнены убористым почерком: потоком слов мисс Винтер. Временами моя рука смещалась влево, чтобы сделать на полях пометку, когда ее интонация или жест казались мне существенным дополнением к сказанному.

И вот я отодвинула от себя последний листок, отложила карандаш и помассировала затекшие пальцы. В течение нескольких часов голос мисс Винтер создавал воображаемый мир, воскрешая для меня мертвецов, и я напряженно следила за этим «кукольным спектаклем», не отвлекаясь на посторонние вещи. И только в самом конце, когда ее голос уже перестал звучать у меня в голове, но ее облик еще не рассеялся перед моим внутренним взором, я вдруг вспомнила одну деталь: серого кота, словно по волшебству появившегося у нее на коленях. Он сидел недвижно, поглаживаемый рукой хозяйки, и не сводил с меня круглых желтых глаз. Если он и видел окружающих меня привидений, если он и был способен проникнуть взором в мои тайны, то его это не слишком беспокоило; он лишь изредка жмурился и затем вновь устремлял взгляд в мою сторону.

– Как его зовут? – помнится, спросила я.

– Призрак, – обронила она рассеянно.

Я улеглась в постель, погасила ночник и закрыла глаза. У меня еще побаливал палец, натруженный карандашом, а также ныло правое плечо из-за того, что я долго просидела за столом, не меняя позы. Хотя комната погрузилась в темноту, а глаза мои были закрыты, я продолжала видеть перед собой страницу с широкими полями и бегущие по ней строки моего почерка. Внимание мое сосредоточилось на поле справа: девственно-чистое, без единой пометки, оно сверкало ослепительной, режущей глаза белизной. Эта часть страницы предназначалась для моих комментариев и вопросов.

И вот в темноте мои пальцы сомкнулись на призрачном карандаше и начали записывать вопросы, навязчиво проникавшие в мое дремотное сознание. Интересно, какие еще надписи имелись на теле Чарли, кроме имени его сестры? Как долго могут сохраняться изображения, вырезанные на живой кости? Зарастают они со временем или остаются до самой смерти? В гробу, под землей, когда плоть его истлеет и сойдет с кости, откроется ли могильной тьме имя Изабеллы? Роланд Марч, покойный супруг, так быстро и легко забытый... Изабелла и Чарли. Чарли и Изабелла. Кто был отцом близнецов? А за всеми этими мыслями – шрам на ладони мисс Винтер. Буква «Q» – знак вопроса¹⁰, врезанный в человеческую плоть.

По мере того как я во сне записывала свои вопросы, поля страницы все расширялись, начали пульсировать вспышками света и наконец поглотили меня – с изумлением и страхом я ощутила себя зернышком бумаги, частицей материала, из которого состояла эта история. И вот так, невесомая, я всю ночь блуждала внутри истории мисс Винтер, формируя ее ландшафт, очерчивая ее контуры, балансируя на ее гранях и пытаясь разглядеть тайны, лежащие за ее пределами.

---

¹⁰ С этой буквы начинается английское слово «question» – «вопрос».

Сады

Проснулась я рано. Слишком рано. Монотонный фрагмент давешней мелодии навязчиво скребся у меня в мозгу. Оставался еще целый час до того, как Джудит должна была принести завтрак. Я приготовила чашку какао, торопливо проглотила обжигающий напиток и вышла на свежий воздух.

Сад мисс Винтер оказался своего рода головоломкой. Начнем с того, что он был огромен. Живая изгородь из тиса, поначалу принятая мной за его внешнюю границу, в действительности лишь разделяла два участка сада. И таких внутренних перегородок здесь было великое множество. Мне попадались живые изгороди из кустов боярышника, бирючины или темно-пунцового бука; каменные стенки, увитые плющом, ломоносом или голыми стеблями роз; аккуратные дощатые заборчики и плетни из ивовых прутьев.

По садовым дорожкам я переходила с участка на участок и никак не могла уяснить принцип здешней планировки. В живых изгородях, казавшихся сплошными, если смотреть на них прямо, при взгляде под другим углом иногда открывался диагональный проход. По обсаженным кустами пересекающимся аллеям гулять было легко и приятно, но выбраться из этого лабиринта мне удалось только чудом. Фонтаны и статуи, которые я полагала оставленными далеко позади, вдруг снова возникали прямо передо мной. Значительную часть времени я провела не в движении, а стоя столбом и растерянно оглядываясь вокруг. Природа загадочна по своей сути, но в данном случае она как будто целенаправленно старалась сбить меня с толку.

За очередным изгибом тропы я наткнулась на бородатого молчуна, который доставлял меня сюда от железнодорожной станции.

– Морис, так меня зовут, – представился он с видимой неохотой.

– Как вы умудряетесь не заблудиться тут? – спросила я. – В этом лабиринте, должно быть, есть система, какой-то ключ?

– Только время, – сказал он, не отрываясь от своего занятия.

Он стоял на коленях над пяточком перекопанной земли и приминал ее у корней растений.

Морис был явно не в восторге от моего появления в саду. Я прекрасно его понимала, благо сама была одиночкой по натуре. После той встречи я взяла за правило, едва заметив его во время прогулок, сворачивать на ближайшую боковую дорожку. Он, похоже, избрал аналогичную тактику – иногда, краем глаза отметив постороннее движение, я оглядывалась и видела Мориса пятящимся от выхода из аллеи или резко сворачивающим куда-то в сторону. Таким образом мы оставляли друг друга в покое: обширное пространство сада позволяло нам легко избегать ненужных встреч.

Позднее в тот день у меня была беседа с мисс Винтер, которая продолжила рассказ об усадьбе Анджелфилд и ее обитателях.

* * *

По-настоящему ее звали миссис Данн, но для детей в семье Анджелфилдов она всегда была просто Миссиз. Она, казалось, жила здесь испокон веков, что было явлением исключительным: слуги в усадьбе сменялись быстро, причем уход прежних не в полной мере компенсировался прибытием новых, пока не наступил день, когда штат домашней прислуги свелся к одной-единственной Миссиз. Являясь экономкой по должности, она фактически выполняла все виды работ: убирала комнаты и разводила огонь в камине вместо горничных, чистила кастрюли как судомойка, стряпала в качестве кухарки и прислуживала за столом в роли дво-

рецкого. Однако ко времени рождения близняшек Миссиз уже состарилась. Слышала она плохо, а видела еще хуже, и – хотя она решительно отказывалась это признавать – выполнение столь широкого круга обязанностей было ей уже не по силам.

Миссиз имела ясное понятие о том, как следует воспитывать детей. Все должно делаться на регулярной основе: в положенное время прием пищи, в положенное время сон, в положенное время купание. Изабелла и Чарли не получили правильного воспитания – одна была чрезмерно избалована, другой рос заброшенным дичком, – и сердце Миссиз обливалось кровью при виде того, что в результате вышло из обоих. Тот факт, что брат и сестра почти не замечали близняшек, играл ей на руку, давая шанс повернуть все по-своему. План Миссиз был таков: она задумала вырастить двух совершенно нормальных, самых обыкновенных девочек посреди того хаоса, что представляла собой усадьба Анджелфилд. Регулярное трехразовое питание, отход ко сну в шесть часов вечера, посещение церкви по воскресеньям.

План был прост по замыслу, но не в исполнении.

Первой серьезной проблемой стали драки, точнее, избиения. Аделина при всяком удобном случае набрасывалась на сестру, молотя ее руками и ногами, или, вынув щипцами горящий уголек из камина, гонялась за Эммелиной по всему дому и, догнав, прижигала углем ее белые руки. Миссиз затруднялась определить, что ее беспокоит сильнее: безжалостная агрессия Аделины или пассивное принятие Эммелиной такого порядка вещей. Ибо, умоляя сестру прекратить мучения, она ни разу не попыталась дать сдачи. Она покорно сносила все побои и издевательства, дожидаясь, когда садистка устанет и утихомирится, но никогда не подняла на нее руку в ответ. Наблюдая за ними, Миссиз пришла к заключению, что вся отпущенная на двоих доброта сконцентрировалась в Эммелине, а вся злобность досталась на долю ее сестры.

С регулярным питанием также возникли сложности. Как правило, в час приема пищи детей просто невозможно было найти. Эммелина очень любила поесть, но эта любовь не признавала никакой дисциплины. Ее аппетит не удовлетворялся тремя приемами пищи в день – он был ненасытен и в то же время капризен. Он требовал своего десять, двадцать, пятьдесят раз на дню, но быстро исчезал, подавленный всего двумя-тремя кусочками чего-нибудь съестного. Эммелина была упитанным ребенком, но ее полнота поддерживалась исключительно за счет набитых изюмом и хлебом карманов, чтобы она могла заморить червячка в любой момент, когда это потребуется. Она приходила на кухню или к обеденному столу лишь затем, чтобы наскоро пополнить карманный запас, после чего возвращалась к своим обычным занятиям: сидению перед горящим камином или лежанию где-нибудь на траве.

Иное дело была ее сестра. Аделина казалась сделанной из проволоки с узлами на месте локтевых и коленных суставов. Она как будто не нуждалась в топливе, питающем жизненными силами всех прочих смертных. Еда ее нисколько не интересовала. Никто никогда не видел ее что-нибудь жующей; подобно вечному двигателю, она являла собой замкнутую систему, получающую энергию из таинственных источников внутри нее самой. Однако вечные двигатели не существуют в природе; и когда Миссиз поутру находила пустой тарелку, на которой с вечера оставался ломтик бекона, или же булку хлеба с отломленной краюхой, она догадывалась, куда все это исчезало, ограничиваясь печальным вздохом. Ну почему ее девочки не желали есть за столом, как все нормальные дети?

Возможно, она смогла бы держать ситуацию под контролем, будь помоложе или имей дело с одной девчонкой вместо двух, говорила себе Миссиз. Однако кровь Анджелфилдов несла в себе код, который были не в силах изменить никакие воспитательные ухищрения. Миссиз долго отказывалась это признавать, обманывая саму себя, но в конечном счете при-

знала: с близнецами не все ладно, девочки явно со странностями. Правильнее было бы сказать: «с ними *все неладно*», ибо они были сплошная странность и ничего кроме странности.

Взять хотя бы их манеру разговаривать. Иногда подслеповатой экономке удавалось разглядеть из окна кухни их лица и движения губ, судя по которым они оживленно беседовали, а если окно было раскрыто, до ее ушей доносились и неясные звуки голосов. Но вот они входили в дом и становились немыми как рыбы. А если что-то и произносили, то неслышно для Миссиз. «Говорите громче!» – просила она, но все было напрасно. Слух ее слабел, а дети держались замкнуто; их разговоры не предназначались для прочих людей. «Ничего подобного! – сказала она как-то Копуну, утверждавшему, что девочки не могут нормально говорить. – Между собой они болтают будь здоров».

Понимание пришло к ней одним зимним днем. Обе девочки были дома; Аделина на сей раз последовала примеру сестры, предпочитавшей проводить время в тепле у камина, а не разгуливать под дождем. Обычно Миссиз жила как бы в тумане, но в тот день ее зрение и слух каким-то чудом ненадолго обострились. Проходя мимо двери гостиной, она уловила голоса девочек и остановилась послушать. Слова летали между ними, как теннисный мячик в ходе игры; иные фразы вызывали у них смех, другие – гнев и раздражение; голоса периодически то повышались до крика, то понижались до шепота. Со стороны это походило на разговор двух обыкновенных детей. Но у Миссиз упало сердце. То, что она услышала, не походило ни на один известный ей язык – ни на английский, ни на французский, которым часто пользовалась Матильда, жена Джорджа, а позднее Чарли и Изабелла. Джон был прав: девочки говорили ненормально.

Потрясенная этой догадкой, она замерла в дверном проеме. И, как это часто случается, за одним неожиданным открытием последовало другое. Часы на каминной полке начали отбивать время; при этом, как всегда, сработал хитроумный механизм – птичка под стеклом выпорхнула из своей клетки и, описав круг, вернулась на прежнее место. С началом боя часов девочки повернули головы в их сторону. Две пары широко открытых зеленых глаз, не мигая, наблюдали за тем, как птичка, поднимая и опуская крылья, совершает свой механический полет.

Выражение этих глаз нельзя было назвать холодно-бездушным или нечеловеческим. Просто они смотрели на птичку так, как многие дети смотрят на движущиеся неживые объекты. Для Миссиз же это обернулось новым потрясением. Она вспомнила, что точно так же девочки смотрели и на нее саму, когда она бранилась или читала им нотации.

«Они не воспринимают меня как живое существо, – догадалась Миссиз. – Наверно, они думают, что в мире вообще нет ничего живого, кроме них самих».

Надо отдать должное доброте Миссиз: она не сочла детей какими-то неполноценными уродцами или монстрами. Вместо этого она их пожалела.

«Как же они должны быть одиноки, – подумала она. – Страшно одиноки вдвоем».

И, отойдя от двери, зашаркала прочь.

С того дня Миссиз поставила крест на воспитательной программе. Регулярное питание, купания, воскресные походы в церковь, двое милых, самых обыкновенных детишек – все эти мечты пошли прахом. Теперь у нее была одна забота: их здоровье и безопасность.

После долгих раздумий она нашла всему этому приемлемое объяснение. Близнецы всегда вместе, всегда вдвоем. Но если в их мире сдвоенность была естественным состоянием, то как они должны воспринимать других людей, существующих поодиночке? Мы должны видаться им какими-то нелепыми половинками, рассудила Миссиз. Она попыталась вспомнить, как по-научному именуют людей, у которых были ампутированы те или иные части тела, и ей пришло в голову слово «ампутанты». Вот кто мы для них – ампутанты.

Нормальные дети? Конечно же нет. Девочки не были и никогда уже не будут абсолютно нормальными. Но ведь мы имеем дело с близнецами, а это особый случай, успокаивала она себя. В подобных случаях всякие странности неизбежны и, может быть, даже закономерны.

Разумеется, все ампутанты стремятся к состоянию сдвоенности. Обычные люди – то есть не близнецы – ищут родственные души, влюбляются, сочетаются браком. Страдая от собственной незавершенности, они пытаются составить пару с кем-нибудь. В этом смысле Миссиз не была исключением из правил. У нее тоже имелась своя половинка: Джон по прозвищу Копун.

Они не были семейной парой в традиционном понимании. Они не были женаты; они даже не были любовниками. Старше его на десяток с лишним лет, Миссиз, правда, еще не годилась Джону в матери, но и эта разница была слишком велика для его представлений о подходящей партии. Ко времени их первой встречи она уже достигла того возраста, в котором глупо надеяться на замужество. Он же, будучи мужчиной в расцвете сил, всерьез подумывал о женитьбе, однако с этим как-то не сложилось. Регулярно общаясь с Миссиз по хозяйственным делам, каждое утро попивая с ней чай и каждый вечер ужиная в ее компании, он постепенно отвык от молодых женщин и перестал искать их общества. При некотором усилии воображения эти двое, вероятно, смогли бы преодолеть разделявший их барьер; они могли бы признать свои чувства тем, чем они, собственно, и являлись: чистой, глубокой и благородной любовью. В другое время и другой обстановке Джон мог бы попросить Миссиз стать его женой, и она могла бы ответить согласием. Во всяком случае вполне можно представить себе один из пятничных вечеров, когда после жареной рыбы с картофельным пюре или фруктового пирога с заварным кремом он берет ее – или она берет его – за руку и они вместе удаляются в укромную тишину его или ее опочивальни. Но такая идея ни разу не посетила их головы. И они остались просто друзьями, подобно супружеской паре на склоне лет, питая друг к другу нежную привязанность, эту обратную сторону страсти, даже если самой страсти так и не нашлось места в их жизни.

Его звали Джон-копун, официально – Джон Коупенс. Он был не очень силен в грамоте и, когда прошли его школьные годы (а прошли они быстро, ибо лет этих было раз, два и обчелся), стал подписывать свою фамилию так, как ему было проще и удобнее. Тем более что в таком виде фамилия как нельзя лучше отражала то, кем он был и чем он занимался. Итак, он стал подписываться Джон Копун, а окрестная ребятня вскоре понизила фамилию до уровня прозвища: Джон-копун.

Он был весьма колоритным мужчиной. Глаза его напоминали два осколка синего стекла, когда сквозь них смотришь на солнце. У него были белые волосы, которые в районе макушки стояли дыбом, как тянущиеся к свету молодые побеги. Когда он работал физически, например вскапывал грядки, на его щеках загорались ярко-красные пятна. А копать он умел как никто. У него был особый подход к садоводству, основанный на лунных фазах, с которыми он сверял всю свою деятельность. По вечерам он углублялся в таблицы и графики, рассчитывая наиболее подходящее время для тех или иных работ. Его прадед ухаживал за садом таким способом; аналогично поступали его дед и отец. Семейные секреты мастерства передавались из поколения в поколение.

Представители их семейства традиционно служили в Анджелфилде. В давние времена, когда за садом ухаживали аж семь человек под началом старшего садовника, прадед Джона насадил вдоль задней стены дома живую изгородь из самшита. Подстригая ее в первый раз, он решил не выбрасывать черенки и поместил их в питомник, откуда они по достижении десятидюймовой высоты были перенесены в сад. Когда саженцы разрослись, часть из них он превратил в низкие ровные изгороди, а другим позволил широко распустить ветви и затем формировал из них шары, конусы, пирамиды или цилиндры, учитывая предрасположен-

ность каждого куста к той или иной геометрической форме. Трудясь над живым материалом, этот человек с большими и грубыми руками проявлял терпение и аккуратность, скорее свойственные кропотливой работе кружевниц. Он принципиально не создавал скульптуры людей или животных – никаких павлинов, львов или велосипедистов, которые нередко встречаются в других подобных садах. Ему нравились либо строгие геометрические фигуры, либо нечто ошеломляюще абстрактное.

Под старость прадед все больше внимания уделял своему фигурному садику. Он старался как можно быстрее разделаться с другими работами, чтобы остаток дня провести среди самшитовых и тисовых кустов, нежно глядя руками их грани и представляя, какими они станут через пятьдесят или сто лет, когда достигнут взрослого, по их меркам, возраста.

После смерти старика садовые ножницы перешли в руки его сына, а еще через несколько десятилетий достались внуку, с кончиной которого наследство принял Джон-копун, до того стажировавшийся в богатом поместье милях в тридцати отсюда. Хотя по возвращении в Анджелфилд он был назначен всего лишь младшим садовником, фигурный садик с самого начала перешел в его полное ведение. Да и могло ли быть иначе? Он взял ножницы, чьи гладкие деревянные ручки были стерты ладонями его отца, и почувствовал, что они ему в самый раз по руке. Он был у себя дома.

Впоследствии, когда Джордж Анджелфилд потерял жену, а численность прислуги в усадьбе начала быстро сокращаться, пока не свелась к минимуму, Джон-копун остался на своем месте. Другие садовники уходили, замены им не было, и в результате еще сравнительно молодой человек занял должность старшего садовника. Правда, при отсутствии подчиненных. Работы было невпроворот; хозяин ничем не интересовался и никак не поощрял его труды. Между тем по соседству было много других садов, где его охотно приняли бы даже без рекомендаций – такое доверие внушал один лишь его вид. Однако он не покинул Анджелфилд. Как можно? Всякий раз, когда Джон, отработав очередной день, вкладывал ножницы в потертый кожаный чехол, ему не было нужды напоминать себе о том, что кусты, которые он только что подстригал, были когда-то посажены его прадедом и что все движения, которые он совершал в процессе работы, были в точности такими же, какие совершали на протяжении трех поколений его предки. Все это стало частью его природы и уже не требовало напоминаний. Иначе просто и быть не могло. Как и его питомцы-деревья, он пустил глубокие корни в земле Анджелфилда.

Учитывая вышеизложенное, нетрудно вообразить, какие чувства испытал он однажды утром, обнаружив свой сад жестоко изуродованным. Глубокие раны зияли в боках тисовых деревьев, обнажая коричневую древесину их сердец. Шарообразные кусты были обезглавлены; грани самшитовых пирамид утратили идеальную форму, иссеченные беспорядочными ударами; верхушки конусов были срублены, а цилиндры превратились в груды ломаных сучьев. Он уставился на разбросанные по лужайке длинные ветви, еще зеленые и свежие, хотя их увядание, засыхание и преждевременная смерть были не за горами.

Сотрясаемый дрожью, которая распространялась от его сердца по всему телу и передавалась земле под его ногами, Джон попытался понять, что здесь произошло. Могла ли какая-то особо изощренная буря выбрать в качестве жертвы его фигурный садик, пощадив все остальное вокруг? Однако бури, даже самые изощренные, не налетают бесшумно.

Нет. Это было делом человеческих рук.

Завернув за угол, он нашел подтверждение тому: на росистой траве валялись садовые ножницы с широко раздвинутыми лезвиями, а чуть далее – пила.

Когда Джон не пришел к завтраку, Миссиз забеспокоилась и пошла его искать. Дойдя до фигурного садика, она в ужасе поднесла руку ко рту, а затем, придерживая передник, ускорила шаг.

Обнаружив садовника, она подняла его с земли. Копун еле переставлял ноги и тяжело опирался на ее плечо, когда она вела его на кухню. Здесь она усадила его в кресло и приготовила чай, горячий и сладкий, а он между тем смотрел в пустоту. Без лишних слов Миссиз поднесла чашку к его губам и заставила глоток за глотком выпить обжигающую жидкость. Наконец она смогла уловить его взгляд и, прочтя в нем неизбежное горе, сама разразилась рыданиями.

– Ох, Копун! Я знаю, я знаю...

Он положил ей руки на плечи, и до сих пор не оставлявшая его дрожь теперь начала сотрясать и ее тело.

После полудня дети не появились в доме, и Миссиз не стала тратить время на их поиски. Они пришли вечером; Джон все еще сидел в кресле, совершенно подавленный случившимся. При виде близняшек он вздрогнул. Две пары зеленых глаз оглядели комнату, уделив его бледному лицу не больше внимания, чем часам на каминной полке.

Прежде чем уложить девочек спать, Миссиз перевязала порезы на их руках, оставленные пилой и садовыми ножницами.

– Вы не должны трогать вещи в сарайчике Джона, – бормотала она скорее по привычке. – Они очень острые и могут вас покалечить.

Но в конце она не выдержала и, отнюдь не рассчитывая на какое-то внимание с их стороны, вскричала со слезами в голосе:

– Почему вы это сделали?! Ну почему, почему?! Вы же разбили его сердце...

Вдруг она почувствовала прикосновение детской руки.

– Миссиз огорчена, – сказала девочка. Это была Эммелина.

Пораженная, Миссиз сморгнула слезы с ресниц и поглядела на нее.

– Джон-копун огорчен, – продолжило дитя.

– Да, – сказала Миссиз, – мы оба огорчены.

Девочка улыбнулась. В ее улыбке не было злорадства. Не было также и чувства вины. Этой улыбкой она просто выражала удовлетворение от того, что ей удалось правильно объяснить причину нового для нее явления. Она увидела слезы на глазах Миссиз. Ее это озадачило. Но теперь она нашла правильный ответ на эту загадку. Ответом было «огорчение».

Миссиз закрыла дверь детской и спустилась на первый этаж. Она чувствовала, что в их отношениях произошел некий прорыв. Впервые установился контакт, и, возможно, это было началом чего-то более серьезного. Неужели когда-нибудь эта девочка ее *поймет*?

С такими мыслями она отправилась на кухню, чтобы разделить с Джоном его горе.

* * *

Этой ночью я видела сон.

Гуляя по саду мисс Винтер, я встретила свою сестру.

Сияющая и прекрасная, она развернула свои золотистые крылья, как будто хотела меня обнять, и я исполнилась радости. Но, подойдя ближе, я заметила, что она слепа и не может меня узнать. Радость сменилась глубоким отчаянием.

Проснувшись, я свернулась калачиком и долго лежала так, дожидаясь, когда утихнет жгучая боль в правом боку.

Меррили и детская коляска

Дом мисс Винтер стоял на отшибе, а его обитатели вели замкнутый образ жизни, и потому я была удивлена, когда через несколько дней после моего появления в этих стенах услышала звук подъезжающего к главному входу автомобиля. Из окна библиотеки я разглядела только открывшуюся черную дверцу и фигуру высокого темноволосого мужчины, который поднялся на крыльцо и исчез из поля моего зрения. Коротко тренькнул дверной звонок.

Я повстречала его на следующий день. После прогулки по саду я приближалась к дому со стороны главного входа, когда позади меня раздался характерный шорох катящихся по гравию автомобильных шин. Я остановилась в нескольких шагах от крыльца, на открытом месте. Упустить меня из виду было сложно, однако люди чаще всего видят лишь то, что заранее ожидают увидеть. Если же кто-то ожидает увидеть пустое место, ему это, как правило, удается. Подъехавший к дому человек меня не заметил.

Облик его был суров и мрачен. Тяжелые надбровные дуги отбрасывали тень на глаза, тогда как видимая часть лица сохраняла каменную неподвижность. Он прихватил из машины свой саквояж, захлопнул дверцу, поднялся на крыльцо и позвонил.

Я услышала, как открылась дверь, и человек исчез внутри дома. Ни он, ни Джудит при этом не произнесли ни слова.

Позднее в тот день мисс Винтер рассказала мне историю о Меррили и детской коляске.

* * *

Подрастая, близняшки совершали все более дальние походы по окрестностям. Они обследовали все строения и сады в соседней деревне и на отдельных фермах, расположенных на землях Анджелфилдов. Такие понятия, как «границы дозволенного» и «частная собственность», для них попросту не существовали. Встретив на пути забор, они перелезали через него и продолжали идти напрямик. Забираясь в чужой двор, они не удосуживались хотя бы притворить за собой ворота или калитку. Они открывали двери черного хода, если те оказывались незапертыми – в большинстве случаев так оно и было, поскольку люди в Анджелфилде редко пользуются замками, – и проникали в дома. Полакомившись тем, что находили в буфете, они могли часок вздремнуть на хозяйских постелях, если чувствовали себя уставшими, а затем удалялись, прихватив кастрюли и ложки, чтобы потом триумфальным посудным громом распугивать на полях птиц.

Семьи местных арендаторов были встревожены и растеряны, ибо в каждом подобном случае находились свидетели, примерно в то же самое время видевшие девочек-близнецов вдали от места преступления, если не обеих сразу, то хотя бы одну из них или, по крайней мере, кого-то очень на них похожего. В этой связи припоминались давние истории о привидениях. Всякий старинный дом имеет свои легенды и своих призраков. Само по себе внешнее сходство девочек уже отдавало чем-то сверхъестественным. Все соглашались: с ними *что-то неладно*. То ли из-за близнецов, то ли еще по какой причине, но местные жители – не только дети, но и взрослые – побаивались старой господской усадьбы и предпочитали держаться от нее подальше.

Но в конце концов ущерб, наносимый набегами близнецов, оказался сильнее страха перед привидениями. Особенно рассержены были жены фермеров, которые несколько раз заставляли девочек на месте преступления и, разумеется, поднимали скандал. Они громко кричали, надувая красные щеки и выплевывая потоки слов с удивительной скоростью и энергией, – все это удивляло и очень смешило близнецов. Женщины не понимали причину их смеха, расценивая его как издевательство, и ярились пуще прежнего. Какое-то время

девочки наблюдали за этим спектаклем, а когда он им надоел, поворачивались и шли прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.